

ДМИТРИЙ ЕМЕЦ

МЕФРОДИЙ БУСЛАЕВ™

ПЕРВЫЙ ЭЙДОС

Мефодий Буслаев

Дмитрий Емец
Первый эйдос

«Емец Д. А.»

2007

Емец Д. А.

Первый эйдос / Д. А. Емец — «Емец Д. А.», 2007 — (Мефодий Буслаев)

Когда всемогущий глава Канцелярии мрака не может раздавить шестнадцатилетнего мальчишку, это, согласитесь, ужасно раздражает... Чтобы избавиться от конкурента, Лигул устраивает Мефу поединок с чудовищем из недр Тартара. Мефодий только чудом остается в живых, а великодушный горбун награждает его дархом. Пустых же дархов, как известно, не бывает. И вот мерзкая живая сосулька по каплям высасывает из Мефа жизнь. Но это был не единственный сюрприз от Лигула. Оказывается, у него есть воспитанница, ровесница Мефа. Все, кто знаком с ней, знают, что бывает, когда она смеется или плачет. Любить ее тоже крайне нежелательно, ведь Лигул намеревается сделать Прасковью новой наследницей мрака...

© Емец Д. А., 2007

© Емец Д. А., 2007

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	22
Глава 3	28
Глава 4	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Дмитрий Емец Первый эйдос

Одноручный меч имеет преимущество перед рапирой.

Меч и кинжал имеют преимущество перед рапирой и кинжалом.

Меч и тарч имеют преимущество перед мечом и кинжалом или рапирой и кинжалом.

Меч и баклер имеют преимущество перед мечом и тарчем, мечом и кинжалом или рапирой и кинжалом.

Двуручный меч имеет преимущество перед мечом и тарчем, мечом и баклером, мечом и кинжалом или рапирой и кинжалом.

Боевой топор, алебарда, черный билл или подобное им оружие по весу, применяемое в охране или бою, равны в бою и обладают преимуществом перед двуручным мечом, мечом и баклером, мечом и тарчем, мечом и кинжалом или рапирой и кинжалом.

Короткий шест или полупика, лесной билл, протазан или глефа, или другое подобное им оружие идеальной длины имеет преимущество перед боевым топором, алебардой, черным биллом, двуручным мечом, мечом и тарчем. А также против двух мечей и кинжалов или двух рапир и кинжалов с перчатками.

Длинный шест, мавританская пика или дротик, или другое подобное оружие длиннее идеальной длины обладает преимуществом перед любым другим оружием, коротким шестом, валлийским крюком (Welch hook), протазаном, или глефой, или другим подобным оружием, хотя слишком слабы для двух мечей и кинжалов, или двух мечей и баклеров, или двух рапир и кинжалов с перчатками, потому что они слишком длинные для того, чтобы колоть, бить и поворачиваться быстро. И по причине большой дистанции боец, вооруженный мечом и кинжалом, будет оставаться позади противника с таким оружием.

Дж. Сильвер. «Парадоксы защиты» (1599)

Глава 1

Девушка в алом

Не каждый из тех, кто безгранично верит в свои силы, в конце концов побеждает, но тот, кто в них не верит, не побеждает никогда.
«Книга Света»

Курьер из Канцелярии мрака прибыл в 23.58, посмотрел на часы и сконфузился. Ему было поручено выйти из стены с первым ударом часов, но вышла накладка. Произошла та же история, что с реальной, а не со сказочной Золушкой, которая лишилась платья за четверть часа до полуночи из-за неточности карманных часов феи. Отчасти это и послужило причиной скандальной влюбленности молодого принца и его скоропалительной женитьбы.

Чимоданов, игравшийся с недавно подаренным ему «Кольтом Вайт-Игл», машинально пальнул в курьера, но тотчас извинился и кинулся поднимать гильзу.

– Дай сюда цапку! Не стреляй в приемной, чайник! Тебе мама не говорила, что такое рикошет? – буркнула Улита, решительно выдирая у него из пальцев оружие.

Посланец Тартара зевнул и затянул дырку в груди, что оказалось несложным, так как курьер был джинн. Незнакомый и бородатый. Обрюзгший и сонный, с раздувшимся бугристым носом. Такой нос – визитная карточка хронических алкоголиков и джиннов, которые долго пребывали в заточении в плохо вымытой стеклотаре.

Гюльнара немедленно принялась кокетливо виться вокруг в надежде что-нибудь разнюхать. Джинн мрачно посмотрел сквозь нее, открыл рот и продемонстрировал обрубок языка. Гюльнара отшатнулась. До этого момента она была убеждена, что не существует магии, способной изуродовать джинна. Немой гонец сунул Арēju желтый свиток, с досадой покосился на часы, натужно приготовившиеся бить, и исчез без вспышки.

– Подчеркиваю: этот тип мне не понравился! Какой-то неряха! – заявил Чимоданов, считавший своим долгом высказываться по любому поводу.

– Зато ты ряха! Свитер какой классный! – сказала Ната.

Чимоданов не понял иронии и зарумянился от удовольствия. Он не замечал, что Ната уже час старательно отворачивается, чтобы не видеть его свитера – белого, покрытого громадными, в ладонь, маками. Со стороны, к тому же если обладать не очень острым зрением, маки были похожи на расчесанные язвы, особенно противные из-за черных точек в середине. Последнее время у Петруччо совсем развинтилось чувство меры. Он то красил волосы в зеленый цвет, то вставлял в ухо огромную серьгу, то сам шилом и цыганской иглой шил себе жилетки. Жилетки, надо признать, получались удачные и стильные, а вот серьга Арēju не понравилась, и он, метнув нож, пригвоздил ее к стене вместе с пищащим Чимодановым.

Пока Петруччо гордился свитером, Арей осмотрел печать и кинжалом вскрыл ее. Дафна неосознанно вцепилась в загривок Депресняку. У нее появилось скверное предчувствие, связанное с пергаментом.

Свиток оказался от Лигула и начинался со слов «Дорогой Арей!». Шрам, рассекавший лицо мечника, побагровел. На нем ясно проступили синие прожилки. Прожилки находились там, где Арей когда-то сам зашивал себя толстой нитью.

– Хотелось бы узнать, в какой конкретно валюте я «дорогой»? – процедил он.

«Дорогой Арей!»

Убежден, ты счастлив будешь узнать, что егерям удалось загнать яроса в Круглом Провале. Я думал убить его сам, но решил не быть эгоистом.

В сущности, именно наш эгоизм – причина того, что стражи мрака до сих пор не контролируют всего мироздания.

Приезжай на охоту и захвати с собой всех своих учеников, не забыв, разумеется, Буслаева. Не стоит лишать молодежь радостей битвы. Нам, скромным, утонувшим в бумажках писакам, интересно будет посмотреть, чему ты их научил.

Жду вас на рассвете. Сожалею, если в эту ночь вам не удастся выспаться.

Ваш Лигул.

P.S. Просто для ясности. Отказ не принимается ни в какой форме. Твои ученики должны быть завтра в Тартаре, даже если все они сейчас лежат на смертном одре. Им почти шестнадцать, и, стало быть, время для первого серьезного испытания наступило. А вот Дафну не бери. Не стоит показывать светлой Тартар. Должны же у мрака существовать маленькие семейные тайны?»

Арей молча скомкал свиток и отшвырнул его. Улита осторожно подошла, просительно взглянула на шефа и, подняв свиток, прочитала вслух.

– Ярос – это то, о чем я напряженно думаю? – спросила она.

Озабоченный кивок мечника подтвердил, что Улита могла бы думать менее напряженно.

– Ярослав – это кто? – спросил Меф.

Арей пнул стул, посмеявшийся загородить ему дорогу.

– Зверушка, относящаяся к роду низших даймониумов. Постоянно обитает в холодных впадинах Тартара. Есть крылья, но в зачаточном состоянии. Прыгучая, живучая. Я не назвал бы яроса глубоким и самобытным мыслителем, но как разорвать врага он соображает. Битва с яросом – обязательная часть ритуала посвящения молодого стража.

– Ярослав один, а нас против него будет четверо? – уточнил Чимоданов, страдая от хронического арифметического зуда.

Он был как немецкий лейтенант, который в письме к невесте любит посчитать карандашиком, сколько весят в сумме все солдаты его роты, сколько килограммов крупы они съедают за ужином и сколько на каждого в среднем приходится бинтов, патронов и пулеметных лент. Правда, последние цифирки он старательно замазывает.

– Не исключено, что для массовки выставят кого-то еще из молодых стражей. Ярославы обедают не слишком часто, так что белка им надо много, – цинично ответил Арей.

– А мы не испедемся в Тартаре, нет? И кости от холода не потрескаются, да? – забеспокоился Евгеша.

Мечник мотнул головой, запутавшись в этих «да» и «нет».

– Тартар неоднороден. Где-то холодно, где-то жарковато. В Круглом Провале терпимо. Лигул принял меры, чтобы его ни в чем нельзя было обвинить. Если кого-то из вас прикончат, малютка первый зальется слезами и обвинит меня, что я плохо вас подготовил. Хотя, убежден, яроса егеря загнали соответствующего. Они не глупцы и догадываются, чего хозяин от них ждет.

Арей говорил озабоченно, однако удивленным не выглядел. Меф понял, что о предстоящих испытаниях он догадывался заранее. Не потому ли тренировки в последние месяцы длились дольше обычного? Два, а то и три раза в день. С шестом, с мечом, с топором, с копьем. Ладони давно превратились в однородную мозоль. К концу второго часа ученики обычно переставали понимать, что делают их руки. Сознание от усталости отключалось. Лишь шест совершал дробящие выпады или, двигаясь сам по себе, без вложения силы, обрушивался на воображаемого противника. Меч наносил резкие уколы и короткие рубящие удары.

Арей не был сторонником «показухи», как он презрительно называл школу Хоорса.

– Мельтешня хороша, когда тебя только собираются убивать, а ты не прочь попугать ватагу прохиндеев где-нибудь в трактире на Лысой Горе. Когда же уже убивают, поздно изображать стойку жирафа, лягающего копытом низколетающего бегемота. Тут спасет лишь предельно жесткая скупая работа. Первого противника нужно вбить в землю по макушку, тогда другие, возможно, вспомнят, что не кормили дома черепашку, – повторял обычно мечник. Шурился, с усмешкой смотрел на учеников и интересовался:

– Возражения есть?

Ната слушала, скромно опустив глазки, однако ощущалось, что возражений у нее хватает. Легко рассуждать о жесткой работе, когда ты такая туша и вдобавок лучший меч Тартара. В случае чего она, Вихрова, будет выкручиваться иначе:

«Не убивайте меня, господа деграданты! Никто не хочет посмотреть, как я беззащитна, как хороша? Пусть все смотрят и того старенького лучника поближе подведут!.. Я чешусь, когда в меня целятся!.. Эй, я не просила умирать от любви так буквально! И что мне, интересно, делать с этими телами?»

Но молчала Ната не всегда, слишком велико было ее раздражение против всякого спорта.

– Неумеренные занятия физкультурой мешают гармоничному развитию личности! – порой заявляла она вслух и даже показывала вырезку со статьей шестидесятилетнего скрипача, впервые додумавшегося до этой истины.

Но что бы там ни утверждала Вихрова, даже ей последние три месяца не разрешалось пропускать тренировки, хотя она вечно жаловалась, что у нее болят ноги и отваливаются руки.

– Если ты не перестанешь ныть, я покажу тебе, как *действительно отваливаются* руки, – негромко предупреждал ее Арей.

Ната сразу смекала, что это не просто ораторский прием, и бралась за меч. Она даже достигла некоторых успехов. Во всяком случае, только ей одной удавался внезапный укол снизу. При этом, хотя клинок уже мчался к цели, Вихрова могла смотреть совсем в другую сторону, имея на лице отрешенно-рассеянное выражение студентки, которая никак не вспомнит, кому дала конспекты.

– Тебя только убийцей подсылать, Вихрова! – говорила Улита.

– Я работаю глазами. Острые железки – это чтобы резать колбасу, – парировала Ната.

– А по мне так ничего нет лучше телепортации на армейский склад с последующим возвращением к месту событий с парой «калашей». Это Буслаев у нас любит холодное оружие. Не пальнет, мол, случайно в кармане и не прострелит колено, – заявлял Чимоданов.

Он был даже драчливее Мефа: вечно влезал в уличные истории. Даф предполагала, что встопорщенный видок, вызывающая одежда и вспыльчивость Чимоданова провоцируют людей с родственной психикой.

И вот теперь письмо из Тартара прояснило, почему они тренировались так много.

Глаза Арея, уставшие, покрасневшие, перескакивали с одного ученика на другого, задерживаясь на лице каждого.

По бескровным щекам Мошкина бродили красные пятна. Меч, который Евгеша зачем-то призвал и держал на коленях, то покрывался толстым слоем льда, то вспыхивал в пляске огня, отчего лед мгновенно таял. Результатом этого непрерывного таяния стала лужа под ботинками, которой Мошкин пока не замечал.

За последние месяцы Евгеша вымахал еще сильнее и обзавелся завидным баском. И лишь глаза остались прежние – испуганные, щенячьи.

Неукротимая Ната, насмехаясь над Мошкиным, как-то приклеила на его дверь бумажку:

«Ахтунг!»

Красивый сильный мужчина завоюет мир, покорит Вселенную, разобьет женские сердца. Обращаться строго с 18.00 до 21.00. В 18.00 отпускает начальство. В 21.00 мамочка велела мне ложиться спать».

Евгеша прочитал бумажку, обиделся, но рвать не стал и оставил на память. Хотя мамы с ним рядом и не было, ее присутствие ощущалось астрально.

Клинок Мошкина был ему под стать. Широкий у основания, острый как бритва, он стремительно сужался к концу. Разумеется, артефакт, но артефакт переменчивой силы. Это был зажатый и неуверенный в себе меч – такой же, как и его хозяин. Иногда он с легкостью рассекал доспехи, порой же унывал и тогда спасовал бы даже перед сухой палкой.

– Всегда происходит именно то, чего я боюсь, и именно тогда, когда я боюсь. Значит, если я не буду бояться, ничего не произойдет. Сражаться с яросом придется в любом случае. Раз так, какая разница: боюсь я или нет? – не замечая, что произносит это вслух, бормотал Мошкин.

Арей молчал. Едва ли вопросы требовали ответов, да и Евгеша их явно не ждал. Глаза Мошкина неосознанно скользили по Канцелярии, пока не нашарили графин с водой. Рассеянно остановились на нем. Графин треснул и распался. Превращенная в лед вода, повторявшая очертания графина, осталась стоять на столе.

– Может, хватит с водичкой играть? – поинтересовался Арей.

Евгеша встрепенулся. Он вскинул голову и севшим голосом спросил, есть ли у яроса уязвимые места.

– У яроса есть уязвимые места. Например, шея. Или ноги. Но уязвимей всего нервный узел. Он расположен на спине, там, где смыкаются чешуйчатые пластины. Сложность в том, что ярос не стоит на месте и не ждет, пока его прирежут. Он двигается так быстро, что не каждый охотник поймет, *что* его сожрало... А вот в чешуйчатые пластины бить не советую. Даже если меч их пробьет – застрянет и обратно его не извлечь.

Мошкин серьезно кивнул, запоминая. Губы у него прыгали уже не так сильно. В вечном бою Евгеша был лучшим в русском отделе после Арея и Мефа. Шестом он разделал бы всех, кроме опять же Арея, а в сражении на топорах или секирах уступил бы лишь Арею и Чимоданову.

Улита разглядывала Нату. Вихрова выглядела спокойной как удав. Она жевала жвачку и созерцательно изучала свои ногти. Монотонные движения ее нижней челюсти раздражали ведьму.

– А ты что, не боишься яроса? – спросила Улита с досадой.

Розовый пузырь раздулся и лопнул. Ната облила верхнюю губу.

– Ни одно существо мужского пола не способно причинить мне вред. Животное, человек, маг, страж – не имеет значения, – сказала она.

– Откуда ты знаешь?

– Просто знаю, – с вызовом повторила Ната. Меф подумал, что ей сложно не поверить. Улита закивала.

– Завидую тебе белой завистью, деточка! Но ты не учла одного маленького пустяка. У яросов нет пола! – язвительно произнесла она.

Вихрова перестала жевать. Очередной пузырь жвачки вздулся сам собой и лопнул. Ната даже не заметила. На губах у нее остались мелкие брызги сладкой резины.

– Как это нет пола? А как же они... ну это... – замялась она.

Ведьма убийственно прищурилась.

– Если тебя, как обычно, интересуют интимные подробности, то вот они. Раз в двенадцать лет три взрослых яроса собираются вместе и поочередно отхаркивают в трещину скалы куски полупереваренного мяса. Под воздействием слюны из полученной смеси постепенно образу-

ется новый ярос... он растет как плесень, белый и скользкий. Со временем чешуя твердеет, и тогда же молодой ярос начинает двигаться.

Ната недоверчиво уставилась на Арея. Тот подтвердил слова ведьмы кивком.

– Мне жаль, но так и есть. Ярослав интересуется девушками только в гастрономическом смысле, – сказал он.

Петруччо внезапно хлопнул себя по лбу, поднялся и неторопливо пошел к дверям. Мечник подождал, пока он возьмется за ручку, и вежливо поинтересовался, куда направляется «господин с чемоданом», как он его назвал.

– Хочу пройтись! Загляну в ночной магазин, чего-нибудь куплю... – небрежно отвечал Петруччо.

Зрочки Арея сузились.

– Мрак не запрещает своим сотрудникам шляться по ночным магазинам. Лигул сам их придумал, если на то пошло. Но ночной город полон случайностей. Ты можешь напороться на златокрылых, подвернуть ногу или просто забыть дорогу назад. Мало ли какая неприятность помешает тебе вовремя вернуться и отбыть с нами в Тартар? – сказал он.

Брови у Чимоданова встали торчком, как иглы у дикобраза. Цепкая память Даф немедленно восстановила первый день их встречи. Вспомнила она и маму Петруччо – гиперактивную даму, взрывающую изнутри тесные джинсы. Интересно, как поживает гражданская комиссия российского филиала международного общества по обсуждению правильности установки запрещающих знаков в центре Москвы?

– Я же сказал, что только пройду! И сразу вернусь! – торопливо повторил Чимоданов.

Никто не заметил, как Арей встал, но он вдруг оказался рядом с Петруччо и положил руку ему на плечо. Воздух со свистом вырывался из перерубленного носа.

– Разумеется, вернешься. Но я хочу, чтобы ты не заблуждался. Стражем мрака стать нельзя. Мы не маги, вечно охотящиеся за талантливыми детьми и втюхивающие их во всевозможные школы. Однако это не мешает мраку отыскивать людей с даром и брать их на службу. Но вот незадача! Испытания они должны проходить вместе с молодыми стражами, хотя умеют по определению гораздо меньше.

– А сколько всего испытаний? – спросил Чимоданов, помешанный на системности.

– Столько, сколько пожелает мрак, – неопределенно ответил Арей. – Оценки не выставляются. Нет необходимости. Провал автоматически означает смерть. А неявка на испытание, пусть даже по самой уважительной причине, – это провал.

Петруччо затравленно заерзал.

– То есть если я случайно опоздаю и не сражусь с яросом... – торопливо начал он.

– ... мрак отыщет тебя в любой дыре. Знаешь, что такое страж, на которого мрак наложил свое проклятие? Где бы ты ни выпил воды, ты выпьешь огонь. Куда бы ты ни лег, ты ляжешь на иглы. Ты не сможешь ни встать, ни сесть, ни глубоко вздохнуть. Любое обращенное к тебе слово будет вливаться в уши раскаленным свинцом... Ты когда-нибудь слышал об ученике стражей, который отказался от испытания?

Чимоданов заморгал.

– Подчеркиваю: пока эйдос у меня, мрак не может ничего мне сделать... – начал он.

– Я бы не обольщался, – прервал его Арей. – Едва ли свет за тебя вступится. Сам подумай: много ты сделал добра? Все твои добрые дела с легкостью можно написать на подошве, а потом вытереть ее об асфальт.

Чимоданов насупился. По поводу уникальности собственных душевных качеств у него заблуждений не было.

– Ну? Твое решение? Тебя все еще тянет в ночной магазин? – нетерпеливо спросил Арей.

Чимоданов оценивающе посмотрел на мечника, затем на дверь. Казалось, он взвешивает, насколько серьезна угроза. Выбирает из двух зол менее кусачее и более пушистое. И выбор

состоялся. Прощаясь с надеждой улизнуть, Петруччо царапнул дверную ручку ногтем. Вернулся, сел рядом с Натой и застыл с видом обиженного языческого божка, которому вместо кровавой жертвы подсунили уже разделанного бройлерного цыпленка.

«Нет, – подумала Дафна. – Хочется сказать, что Чемодан трус, но он не трус. Хотя и не фаталист, как Евгеша. Логика Чемодана: прав тот, кто выжил. Если потребуется, Петруччо будет сражаться не хуже других, но для начала попытается подшустрить, чтобы за него сражались другие. Подошлет сотню оживающих человечков, вылепленных из пластиковой взрывчатки, на худой конец».

– Подчеркиваю: я не стану брать меч. Я возьму топор, – предупредил Чимоданов голосом, будто зачитывал ультиматум.

Арей не спорил.

– Правила охоты разрешают использовать любое оружие. Оговорка одна – оно должно быть единственным. Дополнительно к основному оружию нельзя брать даже кинжала.

– Но мой топор уже не годится. Этот идиот Буслаев надрубил топориче на прошлой тренировке! – продолжал Петруччо.

Мефу постепенно стало ясно, куда он гнет. Еще одна попытка слинять. Арей насмешливо покосился на Буслаева.

– А чем оправдается сам вышеназванный идиот? Это правда, что ты сломал нашему дровосеку топорик?

– Когда он с топором, с ним лучше не стоять. Он психует... Что мне за радость деликатно наметить удар мечом, и тотчас получить в ответ со всей дури. И какой удар – по черепу чуть затупленным топором! – ответил Меф с досадой.

– Что ты понимаешь! Я захожу в боевой транс берсерка! – отрезал Чимоданов.

– Ага, берсерка... Шизика из Белых Столбов, который пропустил прием лекарства, – хмыкнул Буслаев.

Арей ненадолго задумался.

– Выход есть. Так уж случилось, что я не дровосек-любитель. Иди в оружейную и возьми тот топор, что увидишь с краю на стойке.

Чимоданов неохотно потащился в оружейную. Когда он вернулся, в руках у него был боевой топор. Широкое, тускловатое лезвие полумесяцем с одной стороны, с другой – небольшой, как у багра, крюк. Спереди топор переходил в острый ребристый выступ вроде шпаголома на испанских щитах.

– Артефакт, что ли? – разглядывая его, ворчливо спросил Чимоданов.

– Просто хорошо заговоренный и толково подогнанный топорик, – охотно отозвался Арей.

Барон мрака сидел к Чимоданову спиной. Петруччо случайно взглянул на его затылок, и ему внезапно захотелось опустить топор ему на голову. Со всего размаха – быстро и резко, чтобы треснула черепная кость и выступил мозг. Он даже сделал шаг вперед, столь сильным было это желание. Испугавшись, Чимоданов с усилием разжал ладонь и выронил топор.

Арей не оборачивался, однако Чимоданов готов был поклясться, что мечник наблюдает за его отражением в оконном стекле. Так оно и оказалось. Арей повернулся на вертящемся кресле. Чимоданов увидел, что на коленях у него лежит меч.

– Вот именно! Этот топор любит нападать со спины и очень неплохо это делает. Я понял это, когда его бывший хозяин набросился на меня без предупреждения... Ничего не поделаешь. У оружия мрака часто бывают вредные привычки. Не бойся, поднимай! Ты сумел уже победить его, теперь он присмирееет...

– А что возьмет наша актрисулька погорелого театра? Тоже топор? – ехидно спросил Петруччо, уставившись на Нату.

Зубы у него росли с такими щелями, что, когда он улыбался, видно было зуба четыре на верхней челюсти и столько же на нижней. И это при том, что их общее количество вполне соответствовало стоматологическим нормам.

– В самом деле, что возьмешь ты? – спросил Арей с интересом.

Меф и Дафна обменялись понимающими взглядами. Давно было замечено, что все, что касалось оружия, интересовало начальника русского отдела куда больше, чем ведение отчетности и графики поставок эйдосов в Тартар.

Ната буркнула, что как-нибудь обойдется без топора, и выбрала трезубец. Рукоять у него была короче, чем у копья, зато почти на треть окована железом. На краях были небольшие, загнутые книзу выступы, при желании превращающие трезубец в подобие облегченной двусторонней секиры.

– Дельный выбор для девочки, которая собирается убивать глазками! – съехидничала Улита.

– Она глазками только оглушает, а добивает трезубцем! – добавил Чимоданов.

Мефодий, не раздумывая, остановился на мече. За несколько лет он успел срастись с ним. Без меча он ощущал себя недоукомплектованным и почти голым, как деловой человек без телефона. Меч, конечно, не всегда был у него с собой, но его присутствие Меф ощущал постоянно и знал, что в любую секунду клинок вспыхнет у него в руке.

Евгеша повздыхал, выбирая между мечом и копьем. Он понимал, что его любимый шест против яроса не поможет. Всякий выбор, так уж повелось, давался ему мучительно. Слишком много было плюсов и минусов. Меф решил ему помочь.

– Бери меч! – велел он.

– Я ведь хотел копье, да? – сразу сказал Мошкин и выбрал копье.

Меф улыбнулся. Он знал, что скрыто самолюбивый Евгеша поступит именно так. Несмотря на внешнюю мягкость, Мошкин терпеть не мог плясать под чужую дудку. Честолюбивые люди часто робки. Их смелые мечты сокрыты в глубине. Вулканы не извергаются сразу, они долго накапливают силы, но когда накопят, лучше не собирать цветочки на их склоне. Крикливы только дебилы – и то, пока первый раз не получат в нос.

Меф встал и пошел к лестнице.

– Ночной магазин в другую сторону, – с насмешкой напомнил Арей.

– Кто куда, а я спать. Лигул надеется, что мы измотаем себя, испсихуемся и с утра станем легким завтраком для яроса. А вот фиг! – сказал Меф.

Мечник одобрительно кивнул.

– Выспаться – дельная мысль. Часа три-четыре у вас есть. Мы отбываем на рассвете. Улита отправляется с нами, хотя сражаться, разумеется, не будет. Даф остается здесь, на Дмитровке, и... ждет.

Дафна поежилась. Она единственная сумела оценить короткую и ненавязчивую паузу, которую Арей сделал перед «ждет», как оценила и то, что мечник не уточнил, чего, собственно, надо ждать.

– Выше нос, светлая! На целые сутки я оставляю тебя начальницей русского отдела мрака! С печатью, заметь, и правом подписи! Хорош скандал, а? – ободряюще произнес Арей.

Мысль, как взбесятся начальники других отделов, узнав об этом, доставляла мечнику искреннее удовольствие. Однако Дафне это было безразлично. Она едва выдавила дежурную улыбку, которая должна была означать, что она польщена.

Даф подхватила под живот сонного Депресняка, который провис у нее в руке, пытаясь выскользнуть. Котяре хотелось лежать внизу, на диване, а не тащиться на второй этаж. Дафна давно заметила: когда кот или маленький, лет до двух, ребенок не желают, чтобы их брали на руки, они, внешне не сопротивляясь, умеют принять такое неудобное положение, что нести их

почти невозможно, даже если ты силен, как атлант. Хватать же Депресняка за шкуру было проблематично. Кожа у него там была шершавая, как мелкий наждак, и ранила руки.

Видя, что Депресняк упрямится, Даф перехватила его за основание крыльев. За края летающих котов таскать нельзя – кости там слишком тонкие, а вот за основание вполне. Должно быть, именно так райская кошечка, мамаша Депресняка, перетаскивала с места на место своего странноватого детеныша. «И ведь он наверняка казался ей самым красивым котенком на земле», – мельком подумалось Даф.

Видя, что его все равно тащат, «самый красивый котенок на земле» угрожающе поднял лапу и выпустил когти, которые легко могли прорвать стальную дверь.

– Подумай о последствиях и раскайся! На самом деле ты добр и отзывчив! – напомнила Даф.

Сложно сказать, насколько глубоким было раскаяние кота, но когти он убрал.

– Чудная фраза! Я у тебя ее официально уворываю, – одобрила Улита. – Теперь я тоже буду всем говорить: «Подумай о последствиях и раскайся! На самом деле ты добр и отзывчив!» А какой учительский голосок!

Даф кивнула. Они с Улитой отлично ладили, хотя ведьма постоянно выступала в роли провоцирующего начала, а Даф – начала умиротворяющего. Сама Даф в такие минуты с гордостью ощущала себя океаном спокойствия, в котором гаснут, безуспешно пытаясь вонзиться в его воды, огненные стрелы.

С котом в руках Даф поднялась наверх. Меф уже сидел на подоконнике в гостиной второго этажа.

– Как жаль, что я не могу спуститься с тобой в Тартар, – сказала Даф.

– Это единственная хорошая новость, – заметил Меф.

– Хорошая?! – оскорбилась Даф, желавшая быть с ним везде и повсюду.

– Просто отличная. Если бы Лигул затащил в Тартар еще и тебя, я охотился бы уже не на яроса!

Мефодий спрыгнул с подоконника и привлек Даф к себе, однако не учел, что у нее в руках Депресняк. Негодующее шипение дало ему понять, что адскому коту не очень нравится, когда его зажимают. Меф отпустил Дафну. И вовремя. По лестнице с топором под мышкой топал угрюмый Чимоданов. За ним, упорная, как оса, бежала Ната.

– Ты теперь всегда с ним будешь? Маленький мальчик топорик нашел, клея нюхнул и в школу пошел? – едко допытывалась она у Чимоданова.

Мошкин, как обычно, замыкал шествие, думая о чем-то далеком. То ли боролся со страхами, то ли размышлял, кому завещать шест, водолазки и джинсы.

– Что, моя идея отправиться спать назло Лигулу стала всеобщей? – поинтересовался Меф.

– В самую точку! – сказала Ната и громко хлопнула дверью.

Закрывать двери спокойно она не умела. Видно, на энный год обучения мраку такие сложные дисциплины еще не проходят.

* * *

Меф провалился в сон, как в прорубь. Мгновенно засыпать и так же мгновенно просыпаться он научился около года назад, потратив на это кучу времени и сил. Это оказалось куда сложнее, чем, допустим, работать двумя кинжалами против меча или взглядом проникать за закрытые двери.

Правда, чего-чего, а препятствий Меф не боялся. Неудачи только заставляли его концентрироваться, возбуждая азарт. «И таланта никакого нет, одно упрямство! Сделает лицо коробкой и лезет! Его бьют – он снова лезет! Не получается буква, полтетради измазывает. В

остальном же – крайне усредненный ребенок!» – некогда говорила Зозо школьный психолог – вумная тетя в розовой кофточке, любящая фиалки, конфеты в красивых коробках и бородатых одиноких пап.

Зозо не дарила конфет, не носила бороды и, увы, даже не была папой – все это делало ее для психолога личностью малоинтересной, и она не особо церемонилась с ее материнской гордостью.

Когда несколько часов спустя чья-то рука коснулась плеча Мефа, он решил, что за ним пришел Арей. Рывком Меф сел в постели, едва не столкнувшись с кем-то головами. В комнате царил мрак, не нарушаемый даже уличными фонарями, однако Меф неплохо видел и в темноте. Смешно быть наследником того, чего ты не видишь.

На краю кровати сидела Дафна. Голос ее выцвел в темноте и казался бесконечно уставшим.

– Я не спала. Теперь я окончательно уверена: это ловушка. Утром произойдет что-то страшное.

– Будем посмотреть, – сказал Меф, используя старую и запыленную шутку.

Он ободряюще коснулся ее колена, но Даф точно и не заметила прикосновения.

– Мне не нужно ни на что смотреть. Я знаю... Чувствую, как чувствуют укол до того, как игла вонзится. Ты уверен, что не хочешь бежать? Возможно, я смогу умолить свет. Тебя защитят... Лигул и его слуги не найдут тебя нигде, а найдут, их встретят златокрылые.

Меф упрямо сомкнул губы.

– Да-да, я знала, что ты откажешься... – поспешно сказала Даф. – Тогда другое. Тут ты уже не скажешь «нет». Когда страж-хранитель кого-то любит – а я люблю тебя даже больше, чем должен любить страж, – он может передать свой дар. Это последний дар, который у меня остался теперь, когда я разлучена с крыльями и маголодиями.

Что-то вспыхнуло у нее в ладони. Тьма трусливо забилась по углам. Ослепленный Меф закрыл глаза и не успел отстраниться. Даф быстро протянула руку и коснулась пальцами его лба. А мгновение спустя он почувствовал, как светлое, легкое, не обжигающее пламя охватило его голову. Обод живящего огня пробежал по вискам, сомкнулся на затылке и растаял. Меф ощутил запах лаванды.

– Ну вот ты и принял мой дар! Я знала, что ты его примешь! – радостно сказала Даф.

У нее в руке Меф увидел маленький кленовый лист. Он уже погасал. Трусливая тьма сомкнулась вокруг, бросившись из углов, как стая шакалов. Но лист не позволил ей уничтожить себя. Он растаял, и пальцы мрака сошлись на пустоте.

Даф сидела со счастливым и опустошенным лицом человека, который отдал все, что имел, но не жалеет об этом.

– Теперь у меня нет ничего. Если ты когда-нибудь разлюбишь меня или предашь, я умру, – сказала она просто, точно сообщала случайному прохожему который час.

– Что это был за лист? – тихо спросил Меф после короткого молчания.

Когда тебе делают подарок, надо уметь принять его просто и благодарно.

– В Эдеме растет платан. Знаешь, бывают платаны с корой белой, как человеческая кожа? Кажется, под ней пульсирует кровь дерева. Первый лист, который упадет с платана, передает тому, кто его поймал, дар. Но при этом лист не должен коснуться почвы, или дар уйдет в землю. Некоторые торчат у дерева месяцами и все равно не успевают перехватить первый падающий лист. Сложно подгадать момент, а ускорять его нельзя.

– А ты как поймала? – удивился Меф.

Даф улыбнулась.

– Я и не ловила. Он запутался у меня в волосах. Этот дар был у меня уже довольно давно, а теперь он твой. Жаль, конечно, что его нельзя разделить на двоих, потому что и на двоих хватило бы.

– Что это за дар? – спросил Меф.

Он чутко прислушивался к себе, но пока не замечал ничего нового.

– Лист платана увеличивает везение. Представь, перед тобой десять шкатулок. Все пустые, и лишь в одной лежит перстень. Какой шанс открыть нужную шкатулку с первого раза? – спросила Дафна.

– Если шкатулки непроницаемы для взгляда, то один к десяти, – сказал Меф.

– У обычного стража или мага один к десяти, а у тебя теперь один к трем... Но будь осторожен! Везение – опасный дар. Если задуматься, оно погубило больше людей, чем все неудачи, вместе взятые, – предупредила Даф.

Она что-то услышала, вскочила, быстро коснулась губами подбородка Мефа и тенью выскользнула из комнаты. Меф притворился спящим. К Буслаеву вошел Арей и без церемоний плашмя вытянул его мечом.

– Вставай, синьор помидор! «Доброе утро!» скажешь себе сам. Разбуди остальных! – Арей втянул ноздрями воздух и подозрительно покосился на Мефа.

Буслаев наклонился, делая вид, что нашаривает под кроватью ботинки. Однако там нашарился лишь череп телохранителя герцогини де Гиз, которого ревнивый герцог некогда заколол шпагой прямо сквозь перину.

– Опасная штука – лаванда! Особенно перед боем. Расслабляет, знаешь ли... – проворчал мечник, закрывая за собой дверь.

* * *

Обычно телепортация проходит как по маслу. Превращает человека в палитру красок, брызги радуги и осиным роем переносит туда, куда властно посылает мысль. Бесконечно короткое мгновение, и при условии, что ты не влип в стену, ты стоишь уже на новом месте, с некоторым опозданием вспоминая, что ты здесь вообще забыл.

Телепортация в Тартар была исключением. Да, это был все тот же осиный рой, но рой, который с силой проталкивали под землю – сквозь глину, песок, камень, гранит. Это было мучительно. Мефу чудилось, что его вытянули в тонкую бесконечную нить, которую с болью протаскивают в игольное ушко. Ни Чимоданова, ни Наты, ни Мошкина он не видел, хотя смутно и ощущал, что они где-то поблизости.

Наконец попытка закончилась. Песок, глина и гранит перестали терзать его разделенное на частицы тело. Меф почувствовал, что висит в пустоте, и приготовился к материализации. Кости, внезапно собранные воедино и облаченные в плоть, отозвались тупой болью. Меф обрел зрение и осознал, что не висит уже, а падает. Головой вперед он несясь во мгле. Падение было таким стремительным, что ветер уже не хлестал, а счесывал кожу точно мелким наждаком.

Мало-помалу мгла расступилась. Ее кулисы раздвинулись, и Меф различил внизу гористую долину со множеством провалов. По всей видимости, они связывали Верхний Тартар с Нижним, где в вечном пламени плавился вечный лед. Меф попытался угадать поблизости Мошкина, Нату или Чимоданова, которых Арей отправил вместе с ним, но никого не обнаружил. Он был один в вязком сумраке.

Примерно через минуту серое пятно внизу окончательно утвердилось в очертаниях, и Мефодий понял, что падает на скалу. Огромная, с затупленной вершиной, состоящая из сотен приросших друг к другу скал, она возникла из песка, спекшегося от жара. Кое-где заметны были хилые деревца, жавшиеся к камню и пытавшиеся врасти в него не только корнями, но и ветвями.

Меф понял, что, когда врежется, тело его размажется по скале. Буслаев закричал и не услышал своего крика. В распахнутый рот тотчас ворвался ветер, пытаясь вывернуть лицо наизнанку, как перчатку.

Внезапно упругая сила замедлила падение, и безо всяких промежуточных впечатлений Меф понял, что стоит на узкой площадке. Похожая на отлипший пластырь, площадка жалась к скале. Похоже, Мошкин, Ната и Чимоданов оказались здесь раньше, чем он. Улита успела даже открутить крышку термоса.

– И эта гадость – кофе? Любая пища здесь не имеет вкуса. Думала, хоть кофе исключение – ни фиги, – капризно сказала она.

Меф повернулся к Арею. Его трясло. Телу все еще казалось, что оно падает. Если бы Меф позволил – оно вцепилось бы в скалу.

– Я устроил тебе небольшую экскурсию, синьор помидор. Для любимого ученика всегда хочется приберечь что-нибудь особенное. Надеюсь, ты не в претензии?

– Нет.

– В самом деле? – усомнился Арей. – Что-то ты какой-то зелененький. Ты единственный, кто падал. Остальных я перенес и так. Наследник имеет право посмотреть на свои владения. И как общее впечатление?

Меф пробормотал что-то про садизм.

– Можешь не продолжать. Да, действительно, к Тартару нужно привыкнуть. С другой стороны, привыкнуть к нему нельзя, в том и проблема, – сказал Арей.

Буслаев осторожно подошел к краю. Здесь не было ни солнца, ни луны, ни звезд, но все же свет существовал. Тусклый, ниоткуда не идущий, он разливался серой жижой. Такой свет бывает перед рассветом, с той лишь разницей, что перед рассветом он дарит надежду. Здесь же он не дарил ничего.

Никогда прежде Меф не казался себе таким крошечным. Мутное невидимое небо было огромным. Камень дышал то холодом, то жаром. Меф ощущал, что смутная громада Тартара уже знает о его присутствии и, проявляя некое подобие интереса, старается обволочь, проникнуть внутрь, наполнить его собой. Но все это вяло, точно в полусне. Примерно так студенисто вздрагивает умирающий моллюск.

– Дождь прыгал по крышам. Море терлось о камни, – произнесла Улита, разглядывая небо.

– Но тут их нет, – удивился Мошкин.

– Именно, что нет, наивный ты наш. Ни дождя, ни моря... Нет и никогда не будет, – согласилась ведьма.

Рядом с видом маленького Наполеончика стоял Чимоданов. Он уже освоился. Заметно было, что Тартар давит на него меньше, чем на Мефа. Охранявший Петруччо панцирь пошлости защищал его от нюансов бытия.

– Значит, с водой тут напряг? А как же Лета, через которую Харон перевозит на ладье? – деловито поинтересовался Чимоданов.

Арей неопределенно кивнул вперед и вправо, мимо скалы:

– Примерно там Лета огибает нагорье.

– А почему мы не переправлялись через нее? – спросил Меф.

– Сэкономили время. Да и знакомство со стариной Хароном не доставило бы тебе удовольствия, – пояснил Арей.

– По моему скромному, но чудовищно авторитетному мнению, Харон довольно милый. Он чем-то похож на деда Мазая. Я даже, помнится, прикидывала, не женить ли его на Мамзелькиной. Чудная была бы пара! Представлю – и плачу кипятком! – легкомысленно сказала Улита.

– Ну-ну. Когда он в прошлый раз на обратном пути отказывался посадить тебя в свою ладью, помнится, было много шума, – насмешливо заметил Арей.

По тому, как ведьма застенчиво пожала плечами, Меф понял, что шума действительно было немало. Харон обратно не перевозит. Эту аксиому усвоили еще древние. С тех пор расклад не изменился.

– Нам надо спуститься к Круглому Провалу!

Мечник мрака повернулся и быстро пошел по тропе, лепившейся к скале. Он двигался уверенно, презрительно игнорируя бездну слева. Порой тропа сужалась настолько, что приходилось прижиматься спиной к скале. Чимоданов пыхтел. Евгеша часто дышал. Одна Ната, как замечал Меф, двигалась легко и уверенно, без страха, как кошка, заглядывая в провал.

– Девушки боятся высоты, когда им это выгодно. И визжат при виде крысы лишь при наличии вблизи симпатичного поклонника, которому нужно дать шанс проявить мужество, – сказала Улита.

Буслаев кивнул. Он вдруг понял, что его смущает. Тело двигалось оторванно от пространства. Действия и ощущения не были больше связаны, а существовали независимо друг от друга. Так бывает во сне, когда ты знаешь, что сделал что-то – например, пошел и взял некий предмет, – и принимаешь это как данность, хотя отлично понимаешь, что никуда не шел и ничего не брал, а просто ускорил сон, чтобы быстрее дойти до самого интересного.

– Тартар – тормознутое местечко. Предметы здесь не отбрасывают тени. Это не совсем удобно, например, когда отражаешь нападение сзади. Звуки тут тоже чуть запаздывают. На доли секунды, но все же. В бою это стоит учитывать, – произнес Арей, не оборачиваясь.

Меф привык уже к его способности считывать мысли, хотя и остерегался ее.

– С ощущениями та же история. Порой бывает, что гостя тут убивают, сносят ему голову ударом сзади, а он узнает об этом лишь через минуту... Потусторонний мир все же. Душа и тело здесь существуют хотя и рядом, но независимо друг от друга, – подумав, добавил мечник.

Мошкин остановился и с тревогой уставился на что-то. Справа, примерно на уровне лица, Меф увидел прорубленное в скале отверстие. Из отверстия доносились рокот огромной толпы, отдаленные вопли, всхлипы. Буслаев осторожно заглянул. Взгляд его зацепил край пещеры. По ее дну, точно песчаные волны, прокатывались людские толпы. Серые клубки, состоящие из тысяч и тысяч людей, едва различимые сверху, сталкивались и рассыпались.

Ноздри у Наты хищно раздулись.

– Что это? – спросила она.

– А... здесь держат истеричек. Их давно бы сплывили в Нижний Тартар, чтобы не вопили, но они нужны, чтобы накладывать бешенство на вновь выкованное оружие. Лучше тут не задерживаться, а то накрутят еще перед боем! – небрежно сказал Арей.

Он даже не заглянул в отдушину.

После очередного поворота тропа расширилась, и Меф увидел внизу, метрах в ста, долину. Долина была круглой или, скорее, овальной формы, будто чудовищной мощи кулак, ударив с небес, продавил в сплошной скале глубокое вертикальное отверстие.

Спускаясь по выбитым в камне ступеням, Меф заметил небольшую, пестро наряженную толпу. По аналогии с недавно увиденным он прикинул, не состоит ли она из сбежавших истериков и истеричек, но почти сразу понял, что ошибся. Нарядная толпа была окружена плотной цепью стражей из личной гвардии Лигула. Кроме внутренней цепи, была еще одна, внешняя, более редкая.

Стражи этой цепи сидели верхом на драконах с головами стервятников, когтистыми, как у гандхарвов, лапами и длинным, тонким хвостом. Драконы были неподвижны. Лишь красный, цепкий зрачок сужался, отмечая все вокруг, и край хвоста царапал скалы. Задержав на них взгляд, Меф решил, что ужас рождает не тот, кто велик и страшен, но тот, в ком много сосредоточенной ненависти.

«А я-то думал, только Депресняк у нас такой «красивый», – подумал Меф. Сейчас же выходило, что Депресняк был еще лапочка.

* * *

Они подошли ближе. В толпе стражей Меф различил несколько знакомых лиц, но куда больше было тех, кого он видел впервые. Начальник Канцелярии расположился на возвышении в кресле с высокой спинкой. Кресло, как оценил Меф, было двусмысленное. С одной стороны кресло, а с другой, если хорошо приглядеться, трон. Все зависело от воображения и степени подбострастия тех, кто подходил к Лигулу, чтобы поприветствовать его или поцеловать туфлю. Большая часть собравшихся все же предпочитала воспринимать кресло Лигула как трон. Не потому ли столько глаз теперь испытующе косились на Мефодия? «Интересно, как ценю относится к тому, что на его престоле сидит наместник?» – читалось во всех этих маслянистых глазах.

Гервег, молодой секретарь Лигула, с ложно-скромным видом сидел на верхней ступеньке трона. По его губам скользила порой улыбка, которая должна была объяснить бонзам мрака, кто на самом деле главный в этом лягушатнике. Однако опытные бонзы не завидовали Гервегу. Находиться *слишком близко* к начальству опасно, как опасно пытаться оседлать солнце. Кто знает, что будет завтра? Не вспорхнет ли отрубленная голова бывшего фаворита на шест?

Дистанция – вот что правит миром. Лучше держаться рядом, но не слишком близко – такая позиция устойчивее. И спишь спокойно, и просыпаешься в своей постельке. Эта мысль читалась на всяком лице бывалого стража.

Возле Лигула, справа от его двусмысленного кресла, стояла высокая девушка. Алое платье подчеркивало матовую бледность лица. Только пухлые губы пунцовели кровавым росчерком.

– Кто это? – быстро спросил Меф у Улиты.

– Прасковья, воспитанница Лигула, – шепнула ведьма.

– У Лигула есть воспитанница? – не поверил Меф.

В его представлении глава Канцелярии мрака был не из тех, кто берет на попечение сироток.

– Двенадцать лет назад он принес ее ребенком из Верхнего Мира. С тех пор она ни разу не видела солнца. Это первый человеческий ребенок, воспитанный в Тартаре, – сказала Улита.

– Она странная. И смотрит непонятно.

– Я думаю. Вы первые люди, кого она видит, если не считать меня. Ну первые живые, во всяком случае.

– Двенадцать лет назад? Она выглядит старше двенадцати, – задумчиво сказал Меф.

Он не мог оторвать от нее взгляд. В зыбком свете Тартара воспитанница Лигула была похожа на черту, смело проведенную алой тушью. Улита понимающе улыбнулась. «Тут и без девчонки есть о ком спросить, а ты спрашиваешь о ней!» – говорила ее улыбка.

– Ребенком не означает младенцем. Думаю, она примерно твоя ровесница. Теперь ты счастлив? – ехидно поинтересовалась ведьма.

Меф хотел посоветовать Улите лечиться, но не успел. Стражи расступились, пропуская гостей к Лигулу. Горбун встал и приветствовал их ласковой улыбкой. Во всяком случае, так летописец занес в хроники мрака. На деле же горбун ослабил и, кивнув, отделился от кресла примерно на толщину тетрадного листа. Хотя для тех, кто хорошо знал Лигула, и это уже было знаком. Немедленно около двадцати подхалимов налетели со всех сторон и стали сдвигать с Мефа пылинки. Остальные, в том числе Арей, оказались оттесненными разряженной толпой. Чьи-то липкие губы мазнули Буслаева по щеке, пальцы коснулись шеи, подбострастные руки сдавили рукав.

«А ведь моргни им Лигул, они с куда большим удовольствием разодрали бы меня зубами», – подумал Меф.

Кто-то, не пробившийся к нему спереди, сдуру попытался вытянуть из ножен висевший за плечами меч Буслаева. Меф услышал короткий крик, но так и не понял, насколько суровой была месть. Клинок Древнира не терпел чужих прикосновений. Даже Арей никогда не касался его иначе, чем лезвием собственного двуручника.

Лишь когда Лигул нетерпеливо махнул рукой, толпившиеся вокруг Буслаева стражи схлынули. Меф тупо уставился на свои обмусоленные ботинки, сохранившие влажные следы чьих-то губ. Лигул тоже заметил след поцелуя на ботинке и досадливо дернул головой. Видно, подхалим, покусившийся на ботиночки, переусердствовал. Ботинок полагалось целовать только владыке.

– Вот и он, мальчик-с-кровоточащими-волосами! И как первое впечатление от Тартара? – спросил Лигул быстрым, выплевывающим слова голосом.

Меф уже понял, что вопрос про впечатления ему здесь будут задавать часто. Надо придумать что-то универсальное, чтобы не заморачиваться.

– Впечатление впечатляет, – ответил он кратко, про себя же подумал: «Эта сволочь пыталась отравить Дафну».

– Так понравилось или нет? – вкрадчиво допытывался Лигул.

– Запомнилось, – уклончиво сказал Меф.

Горбун моргнул, слегка обескураженный полученным отпором. Лицо у него было умное, мимически беспокойное. Меф со внезапным удивлением осознал, что Лигул совершенно не похож на трагического негодяя – главного врага света. В сериал с жестким кастингом горбуна, скорее всего, взяли бы на роль сбытчика краденого или трусоватого шустряка-чиновника, нервно вздрагивающего при виде любого конверта, даже если он просто выставлен на витрине почты. Главная же негодяйская роль досталась бы краснорожему, с дубовой неповоротливой шеей и медлительной речью рубаке из охраны, мозги которого давно заизвестковались от глупости.

Лигул наконец соизволил заметить Арея и заговорил с ним. Мефодий воспользовался этим, чтобы рассмотреть Прасковью вблизи. Ее светло-голубые, почти прозрачные глаза скользили с него на Мошкина и Чимоданова и вновь возвращались к нему.

«Сравнивает она меня с ними, что ли?» – подумал Меф.

На Нату Прасковья взглянула лишь однажды, но мельком и без интереса. Вихрову покорило. Она могла бы еще вытерпеть, если бы чувствовала, что раздражает эту тонкую высокомерную девицу. Это можно было бы списать на зависть. Но когда тебя просто не замечают – фух! – да это досаднее в десять тысяч раз!

Меф закрыл глаза, пытаясь определить, исходят ли от Прасковьи волны симпатии. Он знал, что ощутит их, даже если заинтересовал воспитанницу Лигула совсем чуть-чуть. Чем ярче и насыщеннее цвет волн, тем выше накал чувства. Этот способ он открыл месяца три назад, когда разобрался, что чужую энергию можно не только впитывать, присоединяя ее к своим и без того немаленьким запасам, но и элементарно считывать.

Неудача! Прасковья оказалась непроницаемой. Она не излучала вообще ничего – ни желтых волн интереса, ни черных – тоски, ни серых – скуки. Ничего.

«Такого не может быть. Она же не труп, чтобы вообще не испытывать никаких эмоций!» – растерялся Буслаев. Он смутно понимал, что его водят за нос, и злился.

Нет, жесткой блокировки вокруг Прасковьи не существовало. Ни стены, ни ледяного купола. Ее эмоции были где-то рядом и одновременно нигде. Мефа просто не пускали, дразнили как быка. Он бежал на тряпку, тряпку убрали – и бык понимал, что вновь пролетел мимо цели, и мычал в тоске, не в силах понять причин неудачи.

От стоявшей рядом Улиты не укрылись потуги Буслаева докопаться до истины, и она незаметно толкнула его ногой. Меф понял значение этого толчка. Секретарша напоминала ему их давний разговор.

– Буслаев, а Буслаев, а ведь ты вампирчик! Уж я-то знаю толк! – говорила ему Улита. – Нет, ты не из тех вампиров, которые пьют кровь. Те вампиры как черная дыра. Своего в них ничего нет, все чужое. Не корми его долго, и он лопнет от голода и собственной пустоты. А ты вампирчик-коллекционер. Увидел эмоцию интересную: дай, думает, отщипну кусочек. Увидел редкостного дурака и от него кусочек отщипнул. В душе полоч много, приткну куда-нибудь, изучу на досуге.

– Откуда такие сведения о вампирах? Стажировалась в Трансильвании? – спросил, помнится, Меф.

– Нет. Просто первым, кто научил меня целоваться, был вампир. Это, конечно, деталь интимная, но проливает некоторый свет, так сказать. Я все время боялась уколоться языком о его глазной зуб. Мне даже пришлось насыпать ему в глаза песка, шарахнуть лопаткой и скинуть с качелей, – сказала Улита.

– Что-о?

– Ну да. Ты не ослышался. Мне было пять лет, а ему шесть с половиной. Но он был ростом примерно с меня. Я всегда считалась крупной девочкой, – сказала Улита.

Наконец начальник Канцелярии Тартара счел свою миссию выполненной. Всем прибывшим он уделил внимание порционно, согласно статусу, отмерив его едва ли не на аптечных весах. Улите не перепало ровным счетом ничего. Чимоданову досталось слов восемь («А где твое живое чучело? Любопытный дар, любопытный!»), Мошкину – пять слов («А вы напряжены, молодой человек!»). Ната получила всего три слова, зато приятных. «Красота неописуемая! Млею!» – сказал Лигул, кокетливо целуя свои пальцы и тотчас быстро растопырявая их.

Ната возгордилась, но кратко. У нее хватило ума почувствовать, что ее участия в битве с яросом никто не отменяет, а, следовательно, Лигул может засунуть себе свой комплимент в задний карман брюк и оставить его там на долгие годы.

Ветер донес с долины звук, похожий одновременно на скрип и на змеиное шипение. Драконы внешней стражи разом повернули головы в ту сторону и вновь настороженно застыли. Лигул удовлетворенно сложил на животе ручки. Как у многих горбунов, пальцы у него были длинные, породистые и нервные. Когда Лигул лицемерил, что происходило ежеминутно, лицо его оставалось спокойным, однако пальцы, выдавая, начинали шевелиться, как щупальца спрута.

– Ну вот и она! Первая серьезная проверка! Все через это прошли! И я не исключение, – сказал Лигул, сентиментально закатывая глазки.

Толпа подхалимов умиленно заохала, гордясь мужеством своего руководителя.

– В тот год на яроса нападала толпа в два десятка молодых стражей. И я не уверен, что видел тебя в первых рядах. Зато мертвому яросу, помнится, досталось много ударов твоей секиры, – язвительно напомнил Арей.

По пальцам Лигула пробежала судорога.

– Твои ученики тоже будут не одни. С ними вместе испытание проходят трое юных стражей, – начальник Канцелярии подал кому-то знак.

Из тени позади кресла выдвинулись три приземистые фигуры. Массивные, коротконогие, обнаженные по пояс, с медной обветренной кожей, они казались вросшими в землю истуканами. «Хм... если это юные стражи, то я одинокий водолаз», – подумал Меф.

Первый из «юношей» был вооружен серповидным, загнутым внутрь клинком. Полезная вещь в ближнем бою. Всегда можно подсесть руку или при везении укоротить врага на голову.

Второй, которому в равной степени могло быть как тридцать, так и тысячу сто тридцать лет, держал протазан. От широкого копейного наконечника отходили два загнутых рубящих и колющих острия. На вкус Мефа оружие было слишком тяжелым. Лучше трезубец, как у Наты, или просто копье.

Третий страж поигрывал «утренней звездой». Он держал ее как будто слишком небрежно, но Мефу хватало опыта, чтобы видеть цену этой небрежности и не заблуждаться.

К Лигулу приблизился рыжебородый Барбаросса, прежде с достоинством стоящий в стороне, и негромко шепнул что-то. Горбун оживился.

– Спускайтесь в Провал и ждите вон на той площадке. Егеря погонят яроса прямо на вас. Надеюсь, правила помнят все. Охота завершается в двух случаях: первый – смерть яроса, второй – гибель последнего из охотников. Последнего! Любой, кто струсит и попытается бежать, будет уничтожен. Тот же, кто первым нанесет яросу смертельный удар, принесет мне его вырезанное сердце и получит особую награду.

Палец Лигула повелительно дернулся. В этом небрежном движении были уже распределены все роли. Меф вспылел. Идти на смерть покорным скотом – ну уж нет!

– Любители ядов обычно боятся вида крови. Зачем вам сердце? Лучше я принесу его ей! – сказал Меф, кивнув на воспитанницу Лигула.

Сказал не раздумывая, желая уязвить Лигула, и тотчас вздрогнул от непоправимости совершенной глупости. Он ощутил себя мальчишкой, который, провожая глазами тугой, пущенный со всей силы снежок, уже понимает, что он врежется в стекло проезжающей мимо милицейской машины, хотя снежок, быть может, только еще сорвался с руки.

Он не ошибся. Лицо Лигула дернулось. Шум толпы смолк, будто кто-то резко, с досадой, выдернул из розетки шнур аудиосистемы. У Мефа возникло ощущение, что он сказал нечто такое, чего говорить ни в коем случае не следовало. Причем это была не только поверхностная глупость, ибо не очень-то осторожно в лицо называть главу Канцелярии Тартара отравителем, но и глупость более глобальная, с двойным дном. В том, что он сморозил, было еще нечто, смысла чего сам Меф пока не понимал.

Прасковья, с отрешенным интересом разглядывавшая встопорщенного Чимоданова, быстро повернулась к нему. Из-под непроницаемой завесы полыхнуло алой, зашкаливающей волной чувств, обжигающей, как раскаленный металл. Ее смех разлетелся стеклянными осколками. Меф почувствовал, как они пробивают его тело до кости. Он даже уставился на руку, ожидая увидеть на ней кровь. Нет, почудилось... Но все же боль была настоящей. Меф заставил боль съежиться, собрал ее в тугой единый ком и изгнал коротким толчком.

– Прекрати, Прасковья! – морщась, крикнул Лигул.

Меф понял, что смех причинил главе Канцелярии такую же боль, как и ему. Разве что Лигул сумел подготовиться и выставить защиту раньше. Прасковья перестала смеяться. Осколки растворились в сером тумане Провала. Лицо девушки вновь стало холодным. Никаких чувств. Непроницаемая завеса.

– Не удивляйся, Буслаев! Моя крошка только молчит, смеется или плачет. Никто никогда не слышал, чтобы она произнесла хоть слово. Однако твои слова о сердце заинтересовали ее, даже очень... Видишь ли, сердце яроса – это жертва. Приносишь жертву ты. Вот и получается, что ты ненароком подарил ей свое сердце. Как бы она не восприняла это слишком всерьез. Девушки, знаешь ли, впечатлительны, – загадочно предупредил горбун.

Из тумана донеслись крики загонщиков. Затем страшный, мгновенно оборвавшийся вопль. Видно, ярос атаковал кого-то из егерей. По желтоватому лицу горбуна скользнула тень озабоченности.

– Проверьте, чтобы дарх убитого не пропал! Все эйдосы мне! Знаю я вас, воров! – ворчливо сказал Лигул.

Мефодий переглянулся с Ареем и, заметив, что тот кивнул, стал быстро спускаться в Провал. Меча он пока не извлекал. За ним с «непокобелимым» видом направляющихся на разборку братков следовал приземистый «молодняк» из Тартара. Мошкин, Чимоданов и Ната пристроились в хвосте.

Охота началась.

Глава 2

Сердце яроса

Цветовое разнообразие основывается на трех главных цветах спектра – желтом, красном, синем. Оранжевый цвет получен от смешения красного и желтого, зеленый – от смешения желтого с синим, фиолетовый – от синего с красным.

Белый и черный цвет в спектре отсутствуют. Белый цвет – это результат полного отражения всего спектра, а черный – полного поглощения спектральных цветов.

Справочник художника

Они стояли и ждали. В трещинах камня жался туман. Впереди, в несвежей мгле рычал ярос. По площадке, которая сверху казалась ровной, пробегали застывшие каменные волны. Меф прикинул ее размеры. Где-то с футбольное поле. С трех сторон площадку ограничивают скалы. С четвертой, похожей на горлышко бутылки, должен появиться ярос. Ну чем не цирк в Древнем Риме?

А Лигул, как цезарь, сидя наверху, в своем кресле, и потрескивая пальцами, будет наблюдать, как им выпускают кишки.

– Можешь начинать бояться, наследник! Ярослав уже близко! – произнес гнусавый голос, звучавший так, будто словам приходилось пробиваться сквозь забившую горло мокроту.

Приземистый страж с серповидным клинком пристально разглядывал Мефа.

– Меня зовут Тобул. Твое имя я и так знаю. Можешь не трудиться озвучивать его. Без пяти минут мертвецам имя уже ни к чему, – произнес он с вызовом.

– Держись подальше от моих мыслей! Попытайся ради разнообразия завести собственные! – предупредил Меф.

Буслаев едва терпел, когда в голову ему лезли Улита и Арей, а тут еще этот... Неужели он так прозрачен? Получивший словесную оплеуху страж нахмурился и быстро взглянул на свой серповидный клинок.

Меф прикинул, что расстояние между ними около трех шагов. В случае стычки серповидный клинок достанет его с шага. Собственный его меч, если подключить длину руки, с двух. Значит, убить стража по имени Тобул нужно, когда он сделает один шаг, но еще не сделает второй.

Молчаливые спутники Тобула незаметно придвинулись к нему. Массивный парень с губами, развороченными ножевым ударом, задумчиво смотрел на голову Мефа и покачивал «утренней звездой». Другой, с протазаном, пока казался сонным, но особо расслабляться не стоило, тем более что он занимал довольно удачную позицию – сбоку.

Чимоданов подошел и встал рядом с Мефом. Боевой топор ненавязчиво лежал у него на левом плече. Вроде лежал себе и лежал, однако Буслаев помнил, что именно отсюда Петруччо любит наносить свой коронный удар.

Мошкин с копьем и Ната с трезубцем приближаться не стали, однако Меф отметил, что они заняли тактически важные точки по вершинам треугольника. Идеально для оружия, которое можно еще и метать. Мошкин выглядел растерянным, зато Ната, хотя не сделала трезубцем ни одного движения, уже начала бой. По ее подвижному лицу пробежала рябь масок. У стража с протазаном, неосторожно взглянувшего на нее, запрыгала щека. Он с усилием отвернулся, снова посмотрел и снова отвернулся... Ага, один клиент уже созрел!

Так они, выжидая, и стояли вчетвером против троих. Мефодий физически ощущал там, наверху, нетерпение Лигула. Не к тому ли стремился горбун, чтобы они перерезали друг друга?

Ярос заскрипел где-то совсем близко, в слежавшемся тумане, который со всех сторон окружал площадку. Он постепенно приближался к горловине. Несколько раз в тумане мелькнули спины драконов. Похоже, кроме пеших егерей, были и верховые.

Не делая попытки сблизиться с Мефом, Тобул усмехнулся и перебросил клинок в левую руку. То ли он сообразил, что расклад невыгоден, то ли вспомнил о яросе, который не пощадит никого из оставшихся. Меф спокойно наблюдал за его движениями, и в первую очередь за положением ног. Именно они первыми выдадут рывок. Остальное произойдет слишком быстро.

– Я не пытался тебя обидеть, наследник мрака, – сказал Тобул.

– Ты влез в мои мысли, – упрямо повторил Меф.

Он давно понял правило: если не оберегать свое внутреннее «я», через короткое время оно исчезнет и станет каким-то общим «мы». Разболтанной дверью, которую даже незнакомые люди будут открывать ногой.

Не извиняясь, Тобул кивнул на своих спутников – с протазаном и «утренней звездой».

– Это Фид и Вирий. Не удивляйся, что они молчат. Им подрезали языки и пригigli раскаленным железом, – пояснил он.

– За что?

– За неудачную шутку. Мы стали спорить, в какое минимальное количество пинков можно прогнать старину Лигула через счетный зал Канцелярии. Он довольно длинный, этот зал. Я считал, что две тысячи пинков нужно как минимум... Фид и Вирий думали, что меньше. Кто-то донес. Гвардейцы прилетели на драконах, внезапно. Уже через полчаса Фиду и Вирию вырезали языки. Я был ранен в горло. Моего языка они не тронули. Думали, что я умру, но я выжил... – сказал Тобул.

Теперь Меф понял, почему у него такой гнусавый голос.

– После этого случая мы много тренировались. Даже спускались в Нижний Тартар. К сожалению, у нас не было такого учителя, как Арей. Зато было много других. Я всегда хотел сразиться с тобой и убить тебя, Буслаев. Ничего личного. Просто чтобы доказать, что я лучший, – продолжал Тобул.

Меф оценил откровенность, попутно сделав кое-какие выводы о личности своего возможного противника. Тобул, по классификации Арея, был скорее «спортсмен», чем «убийца». Разница в бою невелика, но все же чувствительна. Это разница в целях. Спортсмену нужна победа, а врагу – твоя смерть.

– Тогда сразись с Ареем или Хоорсом. Они сильнее меня, – предложил Меф.

– Хоорс убит, – быстро сказал Тобул.

– Знаю. Но мастера не умирают, пока живы их ученики. В противном случае всякий раз приходилось бы начинать с чистого листа. Если тебе нужен бой с великим мастером, он примет его даже мертвым, – ответил Меф словами Арея.

Тобул хмыкнул чуть свысока, как человек, которому сообщают очевидное.

Вирий что-то промышчал и вытянул свободную от «утренней звезды» руку. Из горловины, запруженной обломками скал, выскочил ярос. Гвардейцы Лигула на драконах подгоняли его кинжальными струями огня. Пешие егеря отстали. Убедившись, что ярос в горловине, гвардейцы развернули драконов и сели поблизости на скалы, наблюдая.

Ярос остановился. Было заметно, что открытая местность тревожит его. Низший даймонииум напомнил Мефу гигантского, тощего, покрытого панцирной чешуей кузнечика. Ломкие и тонкие задние ноги. Несимметричная, похожая на плоский нож морда с одним выпуклым, зрячим, глазом и одним маленьким, зачаточным. Пасть, открывавшаяся так широко, что казалось, будто еще немного – и морда яроса вывернется наизнанку. Голова на длинной гибкой шее двигалась так быстро и резко, что сама была как дробящее оружие. Заканчивающийся молотом хвост уравнивал голову, одновременно направляя тело в прыжке.

Выпуклый глаз яроса скользнул по площадке и остановился на фигурах. Сотню метров, отделявшую добычу от горловины, ярос преодолел семью прыжками. Он мчался не по прямой, а как-то очень непредсказуемо, зигзагами, то над самой землей, то подлетая метра на три. Сухие пружинистые ноги едва касались камней. Сгустившийся как по заказу туман мешал отчетливо видеть яроса.

– Ноги! Подсечь ноги! – крикнул Тобул.

Меф на миг растерялся. Ему почудилось, что взметнувшийся в прыжке ярос падает на него сверху. Тут бы глазами уследить – какие уж тут ноги подсекать! Вирий нырнул вперед, навстречу даймониуму. Сложно сказать, куда он целил: возможно, в голову, а, возможно, в высоко расположенное колено. Никто и никогда этого не узнал. «Утренняя звезда» ударила даймониума в нагрудные пластины на две ладони ниже шеи, не причинив вреда. Ярос схватил Вирия поперек туловища и ломким боковым прыжком исчез в тумане. Царапая камни, «утренняя звезда» подкатилась к ногам Мошкина. Сжимая взмокшей ладонью копьё, Евгеша тупо уставился на нее. Слышно было, как где-то близко, в тумане, ярос разрывает мясо.

– Скорее! – закричал Тобул и помчался на звук.

Меф и Фид отставали от него на шаг. Ната, Мошкин и Чимоданов – на три. Первые несколько секунд Буслаев считал, что они мчатся на помощь Вирию, но, похоже, Тобул смотрел на вещи куда более трезво. Он лишь старался застать яроса на земле, пока тот пожирал добычу и не взметнулся в новом прыжке. К тому времени, как они подбежали, от Вирия осталась одна нога, которая у них на глазах исчезла в пасти яроса.

Услышав топот, ярос повернул к ним залитую кровью морду. Не останавливаясь, Тобул подкатился яросу под ноги. Его вогнутый клинок порхал, как серп во время жатвы. Уж что-то, а владеть им он умел. Меф впервые видел бойца, который так стремительно и бесстрашно мог сократить дистанцию.

– Бросай! – гримасничая, заорала Ната на Мошкина.

По ее лицу прокатилась волна нетерпения. Не волна – девятый вал.

Она допустила ошибку. Не стоит кричать «бросай!», когда копьё и так уже почти бросили, как не кричат «Берегись!», когда человек, балансируя, идет по перилам балкона. Рука Мошкина дрогнула. С силой пущенное копьё попало не в шею яроса, а в его бок. Пробило толстую панцирную пластину и застряло, не причиняя яросу особого вреда.

– Я промахнулся, да? – сам у себя спросил Мошкин и сам себе дал утвердительный ответ.

Мефодий сумел нанести мечом лишь один или два тычка, метя в сгиб задней лапы. Оба удара вышли смазанными и цели не достигли. Ярос, которому больше досаждал Тобул, ответил Мефу ударом хвоста, от которого тот ушел.

Рядом Чимоданов деловито работал топором, подсекая яросу ноги. Его лицо и короткие встопорщенные волосы слиплись от слизи, заменявшей яросу кровь. Меф мимолетно подумал, что Петруччо похож на гнома, напавшего на рудную жилу.

За четыре удара Тобулу удалось перерубить яросу сустав передней лапы. Прыжкам даймониума это помешать не могло, но причинило ему сильную боль. Ярос дважды попытался атаковать Тобула, но сражаться с тем, кто перекачивается у тебя под ногами, как бешеный колобок, задача не из простых. Тогда ярос с сухим щелчком распрямил задние ноги и исчез в тумане. Победа? Нет, скорее передышка.

– Тихо! – резко приказал Тобул.

Они стояли спина к спине. Туман сгустился настолько, что Меф, вытянув руку, не видел, где заканчивается его клинок. Полагаться можно было только на слух и зрение. Никакой магический дар против низших даймониумов не подействует. Битва получается жестокой и простой. Только клинки, топоры, копыя, зубы и когти.

– Проклятый Лигул! – сквозь зубы процедил Меф.

Он не сомневался, что за туман нужно благодарить именно его.

– Тш-ш! – прошипел Тобул.

Согнув в коленях ноги, он был готов к прыжку. С серповидного клинка стекала слизь.

Ярос появился ниоткуда. Он стремительно упал сверху, а в следующий миг Фид был уже обречен. Мефодий надолго запомнил его искаженное болью и одновременно обиженное лицо.

«Почему именно я? Нас же было много! Почему я?» – было написано на этом лице. Ярослав уносил Фида. Все было уже кончено, но Фид еще не понимал этого и обреченно старался достать протазаном шею яросла. Правой руки у него уже не было, а нанести сильный удар слабеющей левой он не мог. Протазан лишь царапал шею даймониума. Так они и исчезли в тумане.

На этот раз Мефодий рванулся первым и опередил Тобула на четыре шага. Жуткое, слабеющее мычание немой Фида подсказывало, что он не сбился.

Низшие даймониумы – существа, способные обучаться на ошибках, особенно если ошибки закреплены болью. Меф понял это, когда ярос перестал терзать добычу и внезапно прыгнул ему навстречу. Прыгнул ярос точно, но отрубленная передняя лапа помешала ему так же точно приземлиться.

Меф встретил его быстрым уколом и отскочил. Меч – оружие не исключительно рубящее, даже если это артефакт, которым можно пустить в колбасную нарезку стальную трубу. Меч, особенно длинный, – это и дубина, и копье, и рычаг для бросков, и бейсбольная бита, если наносить удары крестовиной. Но все же в основном он служит для уколов, добрая треть из которых наносится с перехватом собственного лезвия свободной рукой. Чем не бильярд? Вот только бильярдный шар обычно не торчит на шее и не моргает глазами.

Ярос резко хлестнул хвостом и, пока Меф пытался уйти из-под удара, снова прыгнул. Буслаев, отвлеченный хвостом, не успел уловить начала движения. Даймониум сбил его с ног. Но – исключительное везение! Пытаясь схватить добычу, ярос запутался в перевязи Мефодия и задел выпуклым глазом острую пряжку. От боли он дернулся, однако пряжка не отпускала, и чудовище потянуло за собой Буслаева вместе с перевязью. Острые камни царапали кольчугу. Ната бежала рядом и наносила яросу быстрые жалящие удары трезубцем.

Едва не распоров Мефу грудь, страшная голова чудовища пронеслась рядом и ткнулась в скалу. Оставшись без основного глаза, с одним зачаточным, ярос утратил ориентацию. Массивная морда раскрошила камень. Осколок камня пропорол Мефу щеку, на всю жизнь оставив на скуле похожий на запятую шрам. Буслаев оказался придавлен дряблой, кожистой шеей чудовища. Не задумываясь, что и зачем он делает, скорее, пытаясь избежать следующего удара, Мефодий обхватил яросла за шею.

В следующий миг его взметнуло высоко над землей. Мефодий повис головой вниз в полуметре от нагрудных пластин чудовища. Поняв по рывку, что ярос не знает, куда он делся, и сейчас прыгнет, Меф обхватил шею яросла ногами и оседлал ее основание. Пытаясь стряхнуть его, ярос рванулся. Слабое крыло хлестнуло Буслаева по лицу. В ответ, чтобы удержаться, Мефодий вцепился прямо в тонкую кость крыла, продрав пальцами перепонку. В нос ударило выворачивающее нутро зловоние, правда, Меф ощутил его позже, а в ту минуту он не испытывал ничего. Чтобы брезговать, надо сперва выжить.

Мефодий увидел нервный узел яросла. Вот он, между крыльями, где смыкаются пластины чешуи. Если бы меч был с ним! Но меч он потерял, когда схватился за шею яросла, а попытки призвать его ни к чему не привели.

Вокруг суетливо металась скала. Меф пытался высмотреть своих спутников, но им было не угнаться за прыжками даймониума. В боку яросла торчало копье Мошкина. Держась ногами и левой рукой, Буслаев с усилием стал раскачивать его правой. Копье не поддавалось. Наконец прочно засел в панцире.

Продолжая дергать его, Меф ощутил беспомощность. Копье и кость крыла были единственной его опорой на этой несущейся, подскакивающей, ненавидящей его спине. Шею яросла к тому времени он уже выпустил. Если он выпустит крыло и перехватится за копье обеими

руками, копье, возможно, и уступит, но сумеет ли он нанести удар, прежде чем сорвется? Мысли путались от тряски. Ярос бил его свободным крылом. Хорошо, что хвост не доставал так высоко, хотя и свистел где-то поблизости.

И снова вмешался случай. Внезапным рывком Мефа подкинуло вместе с копьем, а потом с силой бросило на опустившуюся после прыжка спину. Копья Меф не выпустил, зная, что потерять его нельзя. Буслаев ожидал сильного удара, но копье внезапно провалилось во что-то мягкое, точно он проткнул медузу. Скользнув между пластинами панциря, копье ушло в спину яроса до середины древка.

Ярос грузно завалился вперед, подогнув шею. Мефа сбросило, протащило по камням... Все еще не понимая, что случилось, Буслаев вскочил, тщетно пытаясь нашарить оружие или хотя бы отбежать, но упал. Тело яроса еще продолжало дергаться. Последним затих хвост.

Тобул подошел, деловито толкнул яроса ногой и склонился над ним с серповидным клинком. Когда минуту спустя он распрямился, в руке у него было крупное, с хорошую дыню, сердце. Ната мутным взглядом посмотрела на сердце, продолжавшее сокращаться в руках у стража, и, позеленев, согнулась.

Тобул подошел к Мефу и с размаху вложил в его ладонь брызжущее кровью сердце.

– Отнеси его Лигулу! – сказал он и пошел прочь.

Туман рассеялся. Мефодий увидел, что страж ищет и поднимает протазан и «утреннюю звезду».

– Мне очень жаль... – сказал Меф. Тобул даже не повернулся, лишь закаменел спиной.

– Иди! – повторил он.

Меф не запомнил, как возвращался. Помнил только, что шел он долго. Мертвый ярос лежал почти у горловины. По случайности смерть застала чудовище там, где они увидели его впервые. Откуда-то взявшиеся гвардейцы и егеря расступались, пропуская Мефа. Даже грузный Барбаросса, хмыкнув, шагнул в сторону.

Перешагивая через две ступени, Меф поднялся к креслу. Гервег поспешно отодвинулся, чтобы его не забрызгало кровью. Лигул беспокойно завозился. Глава Канцелярии показался Мефу неожиданно маленьким, скукоженным, похожим на куль с тряпьем.

Мефодий прошел мимо него и уронил сердце к ногам Прасковьи, смотревшей на него с любопытством. Тяжелое сердце глухо шлепнулось о камни, сократилось в последний раз и затихло. «Просто шмат сырого мяса!» – подумал Меф.

– Это тебе, держи! – сказал Буслаев и устало повернулся, собираясь уйти.

– Обожди! Ты забыл получить награду! – неожиданно услышал он голос горбуна.

Меф безразлично махнул рукой. Он не обернулся бы, не прозвучи в голосе Лигула злорадность. С неожиданной резвостью горбун вскочил, схватил сердце яроса и рассек его кинжалом. Кинжал на что-то наткнулся, и Меф услышал неприятный звук.

– А вот и твой дарх, который ты так любезно пытался подарить Прасковье! – горбун довольно осклабился, что-то поддевая зазубриной.

Блеснула залитая кровью сосулька. Спираль гипнотически двигалась, вкручивалась в мозг, подчиняла. Мефодий опустил на колени. Не потому, что пожелал этого – голова вдруг закружилась, и он понял, что иначе упадет. Мир перед глазами смазался в тусклую акварель. Горбун шагнул к нему, поднимая руки. По щеке Мефа скользнула цепь. Ледяная тяжесть легла ему на шею.

Меф не мог оторвать от дарха взгляда. Медленно и мучительно вращаясь, сосулька, казалось, пыталась вкрутиться ему в грудь и извлечь из нее нечто, надежно укрытое.

По губам Лигула скользнула понимающая улыбочка. Он, казалось, отлично знал, что происходит.

– Год назад я попросил егерей выследить крупного яроса и пустить ему в сердце стрелу, использовав выбранный для тебя дарх как наконечник. Дарху полезно напитаться кровью низ-

шего даймониума. Да и даймониуму это не доставляло особых мук. Эти твари исключительно живучи.

Меф слышал его слова, но не понимал их. Боль растворяла смысл. Он пытался рывком встать, но всякий раз падал на колени, понимая, как жалок сейчас. Его самой большой мечтой было сохранить равновесие. От Прасковьи полыхнуло короткой волной участия. Меф попытался повернуть к ней лицо, но все смазывалось. Дарх продолжал вращаться. Мефу смутно мерещилось, что его конец пытается изогнуться, как щупальце.

Кто-то подхватил Мефодия под локоть и рывком поставил на ноги.

– Разве ты не видишь: он не готов это принять! – услышал Меф гневный голос Арея.

Горбун лицемерно заморгал.

– Тебе известны правила, мечник. Дарх нельзя сдать обратно. Теперь хочешь ты того или нет, Буслаев, но твой дарх должен получить первый эйдос или он заберет твой.

Глава 3

Бутербродоносец

Хорошие люди всегда немного застенчивы. Только по этому признаку можно формировать окружение.
«Книга Света»

На улице Ирка внезапно поймала себя на том, что собирает всех собак. Первыми к ней приблудились два больших кудлатых пса, похожих между собой, как близкие родственники, только один из них был белый с черными пятнами, а другой цвета грязного песка. Про себя Ирка назвала их «братики». Метров через триста приблудился третий пес – широкогрудый, мощный, с короткой шерстью. В нем ощущался замес породистого ротвейлера с простой и здоровой дворняжкой кровью.

«Ты будешь Качок», – решила Ирка.

Спустя две минуты к ним присоединилась молодая, длиннолапая собака. Она была поджарая, с виду сильная, но неуверенная и пугливая, с поджатым хвостом и опущенной головой. Ирка недолго думая назвала ее «Мошкин». Братики и Качок обнюхали Мошкина и великодушно разрешили ему присоединиться к стае. При этом Качок грозно щелкнул зубами: знай, мол, место! Братики же остались равнодушны.

После Мошкина подошли еще двое. Один из них – огромный как медведь, медлительный пес, определенно изготовленный на базе ньюфаундленда. Он был в ошейнике, с ухоженной и чистой шерстью. При этом, куда подевался его хозяин, так и осталось неизвестным. Ирка не мудрствуя так и назвала его – «Медведь». С чувством собственного достоинства Медведь мельком обнюхал Мошкина и, не обращая внимания на остальных, занял место впереди своры. Качок хотел возмутиться и покачать права, но передумал и только на всякий случай показал зубы.

Квартала через два стая выросла до двух десятков собак. Кто-то присоединялся, кто-то отставал, вспоминая о срочных делах, так что Ирка уже не пыталась придумывать им имена. Только отметила, что в стае появился и свой чудик – нелепая дворняжка с короткими лапами и неожиданно толстым туловищем, которое животом почти цепляло землю. Чудик жался сзади, и всякая новая собака считала своим долгом рывкнуть на него, упрочивая свою власть. Чудик был такой нелепый, что даже Мошкин приободрился и ощутил себя почти героем.

Если первое время Ирка еще сомневалась, что собак собирает именно она, то вскоре сомнения исчезли. Свора существовала автономно, сама по себе, но вместе с тем в тесной связке с Иркой. Псы бежали сзади, на почтительном удалении, не пытаясь приблизиться, но особо и не отставая. Иркино главенство признавалось по умолчанию. Куда бы она ни поворачивалась, свора следовала за ней. Не след в след, порой отставая, чтобы погнаться за кошкой или облаять прохожих, но все же определенно признавая, что она главная.

«На охоту идут, а я у них вожаком!» – поняла Ирка.

Она была смущена. Шла, стараясь лишний раз не оглядываться, а выросшая свора за спиной грызлась, атаковала встречных псин и облаивала автомобили. Она уже ощущала свою силу. Это были уже не просто несколько отдельных собак, а стая, с которой невозможно не считаться. Собаки это прекрасно осознавали и нагло пользовались открывшимися возможностями.

Антигон выбрался из рюкзака и, наложив морок невидимости, чтобы не смущать прохожих, вскарабкался Ирке на плечи.

– Прекрасный вид! Высокогорный воздух!.. Ай! Могу я попросить придержать меня за ноги, мерзкая хозяйка?

– С какой стати?

– Если я буду падать – я вцеплюсь вам в волосы! – предупредил кикимор.

Ирка вняла его словам и взяла кикимора за ноги.

– Чего ко мне пристали эти собаки? – спросила она у Антигона.

– Вы волчица, хозяйка! Белая волчица! Обычно волки раздражают собак, но тут случай особый! Вы и волчица, и одновременно человек. Короче, повелительница! – сказал кикимор.

Голос у него стал почтительным. Так всегда бывало в случаях, когда разговор касался возможностей валькирии. Тут Антигон мгновенно отбрасывал всю свою дурь и становился преданным и занудливым, как старый слуга, который ощущает социальный статус хозяина острее, чем сам хозяин.

– Я о вас пектюсь? Пектюсь! Вот и нечего выступать, когда о вас пектятся! – произносил он с необычайной важностью.

Ирка начала уже привыкать, что у нее куча собак, когда ее стая без объявления войны внезапно атаковала мелкого белого пуделя, который в крайнем ужасе сразу завалился на спину, демонстрируя полную и бесповоротную покорность. Хозяйка пуделя вопила, но почему-то не на собак, а на Ирку, будто она специально, исключительно для нападения на ее пуделя, собирала псов по всему городу.

Ирке пришлось ускорить шаг и свернуть во дворы. Она была уже недалеко от дома Бабани. Наживать здесь врагов не имело смысла.

– Ты никогда не обращал внимания, что дети на улице в большинстве случаев замечают только детей, а собаки – собак? – спросила она у Антигона.

Кикимор важно подумал и высказался в смысле, что не обращает внимания на всякую ерунду. Он-де верный раб, только о госпоже и беспокоится и вообще при исполнении. Мог бы иногда хоть пинка получить от хозяйской щедрости, да разве дождешься? Вместо пыток тебя же еще и на плечах катают! Просто тьфу-ты-ну-ты, кобылица инфантильная, а не хозяйка! Не сегодня-завтра позволит прыгать у себя на голове и улюлюкать!

Это был уже перебор. Возмущенная такой наглостью, Ирка чуть присела, резко выпрямилась, отпустила ноги кикимора, и Антигон ласточкой улетел в кустарник. Ирка понадеялась, что, треснувшись о землю, он испытал глубокое нравственное удовлетворение.

Пять минут спустя валькирия-одиночка была уже у Бабани. Обычно она заходила к ней регулярно, раза два в неделю, и проверяла, устойчив ли морок и все ли хорошо у самой Бабани. Выбрасывала испортившуюся еду, мыла тарелки (чаще посудомойкой или, скорее, «посудомоем» становился Антигон), стирала пыль с монитора, меняла лежащую на кровати книгу, проверяла заклинание. При этом Ирка ловила себя на том, что старается появляться дома именно тогда, когда шанс застать там Бабаню минимален.

«Свинья я. Натуральная, свинская свинья с хрюндельским пяточком», – думала она и клялась себе, что в следующий раз обязательно придет, чтобы застать бабушку дома.

Ей тяжело было встречаться с Бабаней, как вообще тяжело встречаться с теми, перед кем мы виноваты. Бабаня всегда была ласкова с ней и предупредительна, всегда весела, много шутила, однако Ирка ощущала, что это юмор сапера на минном поле. Смеется-то он смеется, да только вот что-то не верю, как говорил режиссер Станиславский, верный друг и товарищ Немировича-Данченко.

С каждым годом Бабаня понемногу сдавала. Сетка морщин под глазами, прежде едва заметная, теперь была вполне очевидна. Да и походка изменилась. Правда, порывистость осталась, но и она была уже не та. Если раньше порывистость шла от тела, то теперь от ума. Бывало, Бабаня начнет что-то делать, например, убирать – и вдруг замрет, как кошка, услышавшая непонятный звук, и долго стоит в странной задумчивости, пустыми глазами уставившись в стену.

«Эх, если бы можно было ей рассказать!» – думала Ирка. Да только что тут расскажешь и, главное, как? «Бабушка, я уже не калека. Я валькирия, я на службе у света. Правда, меня теперь, понимаешь, могут убить и я сама иногда убиваю – нет, какой пистолет, копье! – зато с ногами все в порядке. С тобой я больше жить не могу, и ты, пожалуйста, ко мне не приходи, а то у меня слуга-мазохист, и живу я в лесу, и вообще у меня некромаги порой гостят».

Не правда ли, полный бред? И этот бред, в случае если Бабаня в него хоть немного поверит, будет стоить ей жизни. Ирка все никак не могла простить себе, что в прошлую их встречу назвала Мефодию свое имя. Только имя, которое он, к счастью, не связал с той, кто его носит.

«Ирка... ну что Ирка? Мало ли на свете Ирок? Разумеется, он не смог узнать в той Иркес-коляски валькирию. И хорошо, что не смог, а то мраку срочно пришлось бы выпекать себе нового наследника».

Ирка разгреблась в комнате и отправилась на кухню. Стол был завален журналами мод и выкройками. Ирка прошлась по кухне, зачем-то закрыла и открыла кран и потянула дверцу холодильника. В холодильнике был обычный задумчивый беспорядок. В литровых банках и бесконечных маленьких кастрюльках томились остатки позавчерашнего супа, вчерашней лапши, куски воскресной курицы, субботнего рагу, и так до бесконечности. В открытой банке с вареньем уже появилась белая, очень уютная плесень. Сложно сказать, зачем Бабаня все это накапливала. То ли готовилась к войне, то ли у нее рука не поднималась все это вылить. Хотя возможна и третья версия: Бабаня слишком редко бывала дома, чтобы всерьез заняться обустройством быта.

Увидев банку с вареньем, Антигон заволновался. Его грушевидный нос прогнулся, как резиновая игрушка, заиграл. Розоватые тени мешались с лиловыми.

Ирка прищурилась.

– Только попробуй! – предупредила она.

Антигон затравленно уставился на нее. Его страдающий взгляд говорил, что именно об этом – попробовать – он и мечтает.

– Сорвешься – предупреждаю: целую неделю ни одного пинка! Буду называть тебя «умницей» и «рыбкой». И еще «симпатичной лапочкой»! – предупредила Ирка.

«Симпатичная лапочка» прозвучало грозно, как щелчок бича. Антигон передернулся от омерзения и с силой захлопнул дверцу холодильника.

– Потопали отсюда, мерзкая хозяйка! И побыстрее! – сказал он.

– Правильно, – одобрила Ирка. – Мало-помалу ты приближаешься к идеалу образцового гостя.

– Че?! – спросил Антигон подозрительно.

– Ну как же? Помнится, Меф рассказывал о своем дяде. Тот рассуждал, что идеальный гость – это гость, который пригласил себя сам и принес с собой еду. Потом убрался в квартире хозяина, сам с собой поговорил в конспективном режиме, скромно поцеловал хозяина в щеку, потряс лапку и исчез. Полное гостевое самообслуживание.

Антигон даже не улыбнулся, лишь неодобрительно фыркнул. Чувство юмора у кикимора было своеобразным. Его веселили только самые простые вещи. Если бы Ирка, к примеру, сказала, как кто-то поймал суккуба и шарахнул его о стену так, что он проглотил вставную челюсть прежде, чем у него вылетели мозги, Антигон катался бы от смеха часа полтора. При этом то, что у суккубов нет ни мозгов, ни вставной челюсти, не смутило бы ценителя здорового юмора.

– Хорошо! Идем! – резко сказала Ирка.

Она спохватилась, что сделала запретное – растревожила душу, вспомнила момент, связанный с Мефом. И что за ключевая фигура такая в ее жизни этот Буслаев? В конце концов, когда они начинали общаться, оба были почти дети. Это сейчас Мефодию почти шестнадцать. Или она, как Антигон, способна любить лишь тогда, когда ей дадут морального пинка?

Любовь не милиция. Она не входит без стука. Вылетать же она должна со звуком, тем самым деликатно предупредив о своем уходе. Да только вот эта проклятая любовь все никак не хотела вылетать, во всяком случае, из сердца Ирки со всеми его коронарными предсердиями, артериями и желудочками.

Одно хорошо – псов у подъезда уже не было. Оставшаяся без вожака стая разбежалась по своим собачьим делам. Ирка испытала хоть небольшое, но облегчение.

* * *

Война света и мрака имеет затяжной вялотекущий характер, как хронический зимний насморк. С одной стороны, у тебя как будто нет рабочих дней. С другой – нет и выходных. Каждую секунду в спину тебе могут вогнать нож или ты сам насадишь кого-то на копье. В то же время бывают недели, когда ты никому не нужен и просто шатаешься по городу, не слишком представляя, как убить время.

Вот и у Ирки в тот день не было никаких особенных дел. Никто, заламывая руки, не молил о помощи. Никто не наступал, сомкнув ряды. Даже комиссионеры шныряли где-то поодаль, держась более людных мест.

Ирка вышла от Бабани и остановилась, соображая, куда ей пойти. В Серебряный Бор к Багрову? Вернуться в «Приют валькирий»? Или все же стоит исполнить не то чтобы заветную, но мечту: телепортироваться на Оку и искупаться?

Москва томила от зноя. Воробьи купались в лужах. Кошки, поджав лапы, прятались под машинами. По асфальтовой дорожке перед домом прохаживался молоденький влюбленный в сером пиджачке и тоскливо смотрел на мобильник, пытаясь сообразить: одиннадцать утра – это рано или не рано для звонка девушке.

Мысли его прыгали с кочки на кочку примерно в таком направлении.

Допустим, она уже встала, но в хорошем ли она настроении? С другой стороны, если он позвонит в двенадцать, не будет ли это уже поздно? Вдруг она за это время уйдет, полюбит другого или отравится от тоски, выпив жидкость для снятия лака? Кто их знает, этих девушек, кто разберет, что наполняет их черепную коробку? Влюбленный страдал. Он тряс мобильником и кусал пленку, в которую были завернуты купленные у метро цветы. Жизнь путалась. Наполнялась неразрешимыми вопросами.

Ирка пожалела его.

– Да. Нет, – сказала она, подходя.

Влюбленный испуганно уставился на нее.

– Чего «Да. Нет»?

– «Да» – более или менее любит. «Нет» – лучше сейчас не звонить. Она моет голову, не успевает и будет нервничать. Ты не сможешь понять, в чем дело, обидишься на резкий голос, и вы поссоритесь. Лучше позвонить в 11.30, когда она высушит волосы, и перенести встречу на вечер. При этом повесить трубку надо не раньше чем в 11.44, потому что в 11.45 будет уже поздно.

– Но я хотел на двенадцать! – проблеял бедняга.

– Не советую. В 11.45 девушка обнаружит, что котенок, которого ты подарил на прошлой неделе, неуважительно обошелся с ее туфлями. И опять момент будет не лучший. А к шести вечера она вполне успокоится, – пояснила Ирка и быстро, пока ей не стали задавать вопросов, ушла.

Влюбленный проводил ее недоумевающим взглядом. Ирка, однако, была уверена, что совету он последует.

– Хорошая штука – предвидение. А, хозяйская мерзайка? – насмешливо спросил Антигон, скрытый от посторонних глаз мороком.

– Ты отлично знаешь, что у меня нет пророческого дара. Ничего действительно важного знать нельзя. Если мне известно, что будет с этой девушкой через час, то лишь потому, что глобально это ни на что не влияет, – сказала Ирка грустно.

– Ну хотя бы на счастье этой парочки!

– Что это за счастье? Во столько-то не звони: голову моет. И во столько-то не звони: туфли обгадили. Так и трясись, втискивайся в пятнадцать жалких минут. Скучно. Не просто скучно – противно! – бросила Ирка.

Ей вдруг подумалось, что, позвони ей Мефодий, она обрадовалась бы, даже если бы падала в жерло вулкана. Вот только едва ли он позвонит.

Решив, что откладывать исполнение желаний едва ли стоит, поскольку потом и желаний может не быть, не то что исполнения, она перенеслась на Оку, нашла отличное местечко далеко от дач, в камыше, и искупалась. Вначале как человек, а затем, войдя во вкус, как лебедь. Как всегда случалось в минуты, когда Ирка становилась лебедем или волчицей, она утратила счет времени и потеряла способность рассуждать здраво.

Выщипывать с илистого дна растительность и ловить мелких беспозвоночных казалось ей в сотни раз важнее, чем угрызаться по поводу какого-то там Буслаева. Ирка любила эти часы. Они дарили ей освобождение. Быть свободной от самой себя, от своих комплексов, страхов и затаенных желаний хотя бы на время – чем не подарок? Если человека не терзать извне, он будет терзать себя сам изнутри. Такова арифметика человеческого существования.

Пока Ирка плескалась на мелководье в облинии лебедя, Антигон сурово прохаживался по берегу с булавой – охранял хозяйку. Мало ли какие ослы с ружьями могут торчать в камыше? Нальются до бровей, и захочется им побабахать. Охота на лебедей запрещена, да вот только пули об этом не знают.

Когда Антигону становилось жарко, он разувался и заходил в реку по колено, с удовольствием ощущая дно перепончатыми пальцами. К воде у Антигона отношение было противоречивое. Как сын кикиморы и правнук русалки, он обожал воду, а как сын домового и внук лешего – ненавидел. Вот и получалось, что он то вбегал в реку, то пулей выскакивал на берег.

Вновь Ирка стала человеком уже на закате. Она стояла на мелководье. Виски ныли. Руки по привычке пытались ударить по воде птичьим движением. Икры сводило. «Кажется, я перекупалась. Интересно, валькирия-одиночка способна простудиться в середине лета или для этого требуется отдельное везение?» – подумала Ирка, сглатывая, чтобы проверить, не болит ли горло.

Она вышла на берег и оделась. Антигон стоял, послушно отвернувшись, и назойливо приглашал комаров садиться ему на шею.

– Кусайте меня, собаки страшные! Лопайте! Жрите! – приманивал он с надрывом.

Комары садились, впивались и падали замертво.

– Двадцать восемь... Двадцать девять... – считал Антигон. – Милости просим! Жрите меня, гости дорогие! Налетай, пока я добрый! Буду злой – сам догоню и покусая!

– Почему комарыдохнут? – спросила Ирка подозрительно.

Антигон горделиво зашмыгал носом.

– У меня кровь ядовитая, елы-палы! Потому как у мамы дедушка вампир был... Не таковые мы, вампиры, чтоб кто попало у нас гемоглобин тырил! – сказал он.

Перед обратной телепортацией Ирке захотелось пройтись. Она поднялась на покатый песчаный холм. На вершине холма сидел мужик в синей бейсболке и решительно терзал колбасу, отгрызая ее молодыми зубами прямо от палки.

Ирка прошла было мимо, но Антигон узнал его.

– О, бутербродоносец Бэтлы! – воскликнул он с насмешкой.

Паж Бэтлы перестал жевать и хмуро уставился на кикимору, поигрывая палкой колбасы, как дубиной.

Ирка подбежала к нему.

– О, привет! Ты ко мне? Как ты меня нашел?

Мужик в синей бейсболке замычал, знаками показывая, что отыскать Ирку было не особо сложно. Набитый рот поневоле делал его малоразговорчивым.

– Фто ифет, фот фегда файфет. Флафное ифкать уфорно... Пфостите, фосфожа!.. Фофему фы фак смофрите на фою кофбасу? Ффе фтрафно! Фас накорфить? – спросил он.

Ирка не стала отказываться. После превращений она всегда испытывала дикий голод. Водоросли и улитки, которых наглотался лебедь, в расчет не шли. Они исчезли вместе с лебедем. Оруженосец встал и распахнул куртку. Его пояс представлял золотую середину между поясом монтажника и охотничьим патронташем. Вот только вместо гранат там торчали йогурты, бутерброды, шоколадные батончики и колбасные палки. Был даже термос с широкой крышкой.

– А что в термосе? – спросила Ирка.

– Макароны «Макфа». Моя хозяйка... в общем, она решила следить за фигурой. А тут именно такой случай: и мне варить быстро, и она не растолстеет, – бодро, как бывалый официант, выпалил уже дожевывавший бутербродоносец.

Ирка кивнула и позволила вручить ей тарелку и вилку, обнаружившиеся у пажа во внутреннем кармане. Вилку Ирка по привычке простерилизовала взглядом. От бутербродоносца это не укрылось, и он отвел глаза, пряча улыбку. «Кажется, он видел, как я лопала водоросли. Тоже мне гигиенистка нашлась!» – выругала себя Ирка и стала быстро есть.

– Меня послала Бэтла. Она просит вас быть осторожной, – сказал паж, когда тарелка наполовину опустела.

Ирка фыркнула. Толково продумано: накормить, а уже после сообщать неприятные новости.

– Чего я должна опасаться? Что случилось? – спросила она.

– Пока ничего. Только дурные предчувствия. Но интуиция мою госпожу никогда не подводила! Бэтла – валькирия спящего копыя. У нее постоянно вещие сны. Конечно, некоторые издеваются, но на деле все понимают, что это дар. Верите?

– Верю, – просто сказала Ирка.

Бутербродоносец кивнул. Он был доволен, что неприятное поручение выполнено.

– Удачи, валькирия-одиночка!..

Паж взмахнул палкой недогрызенной колбасы и растаял в воздухе, оставив слабый запах лаврового листа и специй. Ирка доела «Макфу», размышляя над его словами. Угроза. Но какая? Откуда она исходит? Если у нее есть враги, то кто? Не лучше ли узнать это заранее?

– Слушай, ты не боишься, что Арей тебя убьет? – спросила Ирка у Антигона.

– Почему?

– Ну ты у него эйдосы выкрал. У раненого. Такие вещи не прощаются!

Кикимор стряхнул с шеи дохлого комара.

– Встретит – так убьет, а специально искать не будет, – сказал он легкомысленно.

– Такое оскорбление! Эйдосы, которые он собирал столетиями, лучшие, отборные, утрачены!

– Оно-то так. Да только кто я для него? Так, мелочь на службе у света. Если ты, ослабев, полуживой, будешь лежать у погасшего костра и тебя укусит хорек, то означает ли это, что ты потом нарочно будешь выслеживать именно этого хорька или просто возненавидишь походы в лес в целом?.. Скорее второе, чем первое! – Антигон помолчал, шевеля губами, поразмыслил и не без ехидства добавил: – Скорее уж он тебя прикончит, госпожа, я же твой слуга!

* * *

Обратная телепортация совершилась без осложнений. Когда золотистый обод опал, Ирка увидела, что стоит в очерченном круге точно между столбами «Приюта валькирий». Чуть правее и чуть левее – и ее голова вросла бы в столб. Ирка улыбнулась. Она любила риск и знала, что так будет.

По канату она ловко вскарабкалась в «Приют», откинула люк и была встречена суетливым писком. Со стола, стульев и даже с гамака посыпались крошечные кегельные шары серого цвета.

Как первые мыши попали в «Приют», неизвестно. История об этом умалчивает. Но, видно, разошедшиеся столбы не помеха для цепких мышиных лапок.

Робкое и застенчивое мышиное семейство пришло зимой, в крещенские морозы. Две испуганные мышки шуршали в углу. Был лес, был снег, был холод – а тут вдруг тепло, пахнет едой, потрескивает печка-буржуйка. То ли мышиный рай, то ли просто глюки. Ирка бросала им куски хлеба и переживала, помнится, когда случайно попала в одну из мышей отгрызенным куском сыра. Вот она – рука профессиональной метательницы копья. И не целишься – так не промахнешься. Мышь, однако, уцелела и сырное оскорбление простила.

Дня два мыши бестолково толклись на виду, привыкали. А затем вдруг куда-то исчезли. Их не было видно, но их деятельное присутствие ощущалось под полом. Ирка забыла о них. Зима и весна выдалась напряженными. Стражи мрака, валькирии, Меф, Багров, Дзуликкий...

Если мыши и рассчитывали исчезнуть весной, с первым теплом, то лишь первое время. Весной у них не оказалось никаких особо важных дел, и мыши великодушно решили остаться. К тому времени их было уже не меньше двух десятков – дети, первые внуки и прочие забредшие на минутку и поселившиеся насовсем родственники.

Стоило отлучиться на несколько часов, а потом, вернувшись, резко распахнуть люк, чтобы увидеть, как серые попискивающие шарики прыгают с гамака, стола, стульев. Антигон обычно с воплем кидался и принимался бессистемно колотить по полу булавой. Позиция же Ирки была скорее философски-выжидательная. Она не падала в обморок, не забиралась с ногами на стол и не голосила при виде мышей. Для валькирии это было бы дурным тоном.

В целом Ирка относилась к мышам терпимо, до тех пор пока одна из них не свалилась ночью с веревки гамака ей на лоб и, пища от ужаса, не полезла прятаться за ворот. Что мышь забыла почти на альпинистской высоте, вдали от мышиногo подполья, осталось для Ирки загадкой. Есть там нечего, смотреть тоже не на что. Разве что неосознанная тяга к спортивным рекордам. Лезут же люди в горы, так почему мышам нельзя на гамак?

Через две недели Ирка обнаружила в сумке для ноута, прямо на проводах зарядки, пишущих мышат. Она так и не решилась к ним прикоснуться и, осторожно вернув сумку в угол, задумалась. Как мыши могли оказаться в закрытой на молнию сумке, осталось загадкой.

«Нет, так дальше жить нельзя! В дурацком лесу, с занудой Антигоном, без особых перспектив, с запретом на настоящую любовь!.. И вообще завтра же куплю мышеловку!» – подумала она уныло.

Потом подошла и, отогнув угол сумки, пошире открыла молнию.

– Зачем? – спросил Антигон, с интересом наблюдавший за ней.

Ирка смутилась.

– Ну... э-э... чтобы родители-мыши смогли попасть к детям!

Кикимор хрюкнул.

– Они и раньше прекрасно могли.

– Ну, может, сумка теперь не так лежит и им неудобно? – предположила Ирка с внутренней досадой на кикимора. Вот уж мужики, не понимают элементарных бытовых проблем!

Антигон склонил голову набок. В выпуклых русалочьих глазах – пытливость.

– Вы же говорили, что не любите мышей, гадкая хозяйка? – спросил он вкрадчиво.

– Нет. Не люблю. Кота куплю, и тема закрыта, – Ирка сердито отвернулась.

Уже наутро она пожалела о своих словах. На полу у кухонного стола тянулась цепочка из девяти мертвых взрослых мышей, выложенных как по ниточке – голова к голове.

– Ты что, раздобыл кота? – крикнула Ирка.

– Зачем сразу кот, мерзкая хозяйка? О вас и без кота есть кому позаботиться! – сказал Антигон и устоялся на хозяйку, явно ожидая поощрения.

От пальцев ног и до ушей он весь был одна сплошная гордость. Его поэтическая шевелюра растрепалась. Рыжие бакенбарды пылали. Ирка кинулась к сумке. Мышата, по счастью, были целы. Тронь Антигон хотя бы одного мышонка, он получил бы трепку, которая снилась бы ему до глубокой старости в самых волнительных снах.

Даже стараниями Антигона мыши не перевелись. Сейчас Ирка не обращала на мышей особого внимания. Они стали чем-то привычным и давно не вызывали ничего, кроме фоновой досады. Сделав короткую запись в дневнике, Ирка легла в гамак и почти сразу уснула. Превращение в лебедя или волчицу всегда отнимало у нее много сил.

Глава 4

Враг врага

По умолчанию ничего не бывает. Всякое новое счастье или даже просто покой нужно выстрадать и заслужить. По умолчанию человек только скатывается.

«Книга Света»

Инструкция № 177 бытового кодекса мрака гласит: если хочешь поссорить брата с сестрой, посели их в однокомнатную квартиру и сделай так, чтобы ни один из них не имел ни денег, ни желания снимать что-нибудь другое. Мрак уважает свои инструкции, и именно поэтому Зозо и Эдя по-прежнему жили вместе. Молнии скоропалительных свадеб, во множестве сверкавшие вокруг, так и не поразили эти две сосны, росшие рядом на вершине горы.

Правда, у Хаврона была Аня, но неосознанными стараниями Эди роман все больше принимал формы вялотекущие и безнадежные. Менять привычный уклад жизни надо решительно, как и прыгать в ледяную воду. Чем дольше ты стоишь на берегу и трогаешь ее большим пальцем ноги, тем больше вероятность, что никакого экстремального купания вообще не произойдет. С вежливой улыбкой ты попятышься от речки и скроешься в теплых объятиях автомобиля.

Эдя сидел за письменным столом и с помощью туристического тесака пытался раскрутить крошечный шурупчик на часах, чтобы поменять батарейку. Часы, разумеется, были одноразовые, но тем интереснее было надругаться над их личностью. Предназначенный для того, чтобы колоть лучину, тесак был больше шурупчика в десять тысяч раз, однако шурупчик мужественно не сдавался. Эдя тоже не сдавался. В его глазах светилась извечная мужская ненависть ко всему, что глаз видит, а руки оторвать не могут.

Зозо ткнула кулаком во всепрощающий бок подушки и тотчас без сил плюхнулась рядом. Это называлось у нее «заправить кровать».

– Теперь я понимаю, в кого Мефодий такой упрямый! Это фамильная черта всех Буслаевых! – сказала она, глядя на Эдю.

– Спешу тебе напомнить, дорогая, что мы с тобой Хавроны! Быть хавроншей – это призвание, почти миссия. Всякому умному человеку звучание фамилии «Хаврон» говорит о хорошем здоровье, физической и душевной красоте и нравственных совершенствах! – заученно, как попугай, отозвался Эдя.

Он уронил на тесак каплю пота и с ненавистью к упрямому шурупу добавил:

– А Буслаевы твои – они все либо богатыри-экстремалы, либо алиментщики. Но чаще всего и то, и другое.

Летняя молния за окном пронесла громокипящий кубок и тихо слиняла, подтягивая штаны, сшитые из золотых тучек, ночевавших на груди утеса-великана.

– Как погода? – спросила Зозо, чтобы сменить тему.

– А самой влом посмотреть, а, сеструндия? Типа, комната такая большая, что до окна сутки на велосипеде? – ехидно поинтересовался братец.

Зозо не отозвалась, и Эдя подошел-таки к окну сам.

– Сейчас дождь будет! Из дома никуда вытаскиваться не хочется, а надо... – сказал он.

– А кто тебе вчера по сотовому двенадцать раз звонил? – внезапно спросила Зозо.

Как всякая истинная женщина, она владела наукой логических перескоков. Там, где для мужчины смысловая пропасть, женщина всегда переправится на резинке для чулок.

Эдя выпрямился, грозно покачивая зажатым в руке тесаком.

– А ты откуда знаешь?

– На сотовом было двенадцать неотвеченных, – пояснила Зозо, без страха глядя на тесак.

На упитанное лицо Хаврона легла тень.

– Ты что, трогаешь чужие мобильники? Новая профессия?

– Почему чужие? Кто тебе на него чехол подарил? Я. Значит, могу трогать сколько угодно! – заявила Зозо.

– Вот и трогай твой чехол! – сказал Эдя недовольно.

Помахивая тесаком, он принялся ходить по комнате. Напоминание о звонках лишило Хаврона душевного равновесия. Зозо осторожно молчала. Опытным путем она давно установила, что Эде, чтобы оправиться от серьезной обиды, надо примерно пять минут. От очень серьезной обиды – шесть минут и от смертельного оскорбления – минут девять. Однако сегодня Эдя установил рекорд и остыл за четыре минуты.

– Хочешь, я познакомлю тебя со своим последним научным открытием? – предложил он.

– Валяй, – сказала Зозо.

– Только не вздумай присвоить! Будущую Нобелевскую премию мы уже попилили с одним парнем, с которым я работал в пиццерии. Хороший был парень, веселый. Ловил мух и запекал без крылышек. Когда они без крылышек, их в пицце от грибной начинки не отличишь, потому что лапки запекаются и их особо не видно.

– Надеюсь, его уволили? – скривилась Зозо, имевшая слабость к пиццериям.

– Сам ушел. В гимназию устроился учителем черчения. Это была его дипломная специальность. Короче, мы с ним пришли к выводу, что женщины – это бытовые приборы.

Зозо поморщилась.

– Кухарки, поварахи и домашняя мебель, что ли? Как банально!

– Нет, другое. Душа бытового прибора, хорошо справившегося со своим назначением, вселяется в женщину. Это у них типа награда такая за верную службу в прошлой жизни, – важно сказал Эдя.

Брови Зозо превратились в два вопросительных знака.

– Ну смотри... Есть дамочки с переменчивой душой флюгера. Есть зудящие, как миксер. Есть кипящие, как чайники, и пустые, как коробки от сахара. Есть женщины, которые трясутся от злости, как холодильники. Эти обожают ставить всех на место. Прямо хлебом не корми и компотом не отпаивай... Женщины-калькуляторы тоже есть. Их толпы. Работают в бухгалтериях. Сентиментальны, но деловиты, как муравьи. Любят печенье и ночную еду. Держат на столе фотографии родственников.

– А что в этом плохого? – возмутилась Зозо, сама державшая на рабочем столе фотографию Мефа.

– Да ничего. Не принимай все на свой счет! Мы говорим о бытовых приборах!.. Однажды мне попалась дамочка жадная, как пылесос, и настолько же помешанная на чистоте. На всякую соринку кидалась коршуном, а вилки в кафе опрыскивала духами. Есть дамочки хлопотливые, как стиральная машина. У этих даже в животе так же булькает.

– Гад ты! – обиделась за весь женский род Зозо.

Эдя притворился, что хочет ударить ее по голове кулаком.

– Будешь так говорить, решу, что ты провокаторша. Из тех, что поощряют пьяненьких мужичков бить стекла в ресторане, а потом первые вызывают милицию... Ну дамочка-кофемолка тоже была. Эта все время дробила меня по Фрейду, и все спрашивала, что является для меня более вдохновляющим символом: пепельница или сигарета.

– А ты?

– Я отвечал, что не курю... Дамочка-диктофон тоже как-то попалась, только не мне, а чертежнику. Вумная, аж жуть! Учебники по маркетингу шпарила от названия издательства на обложке до адреса типографии на последней странице включительно. Но при этом она не знала, почему белые медведи не едят пингвинов.

– И почему?

– На разных полюсах живут потому что...

Эдя случайно взглянул на настенные часы, до которых не добрался пока его тесак, и засобирався.

– Ой, блин!.. Я ушел. Далеко и надолго, – сказал он.

– Куда?

– В пошлое и тухлое место, где никогда не светит солнце и никто не вытряхивает вонючие пепельницы, – на работу, – сказал Хаврон, с некоторым усилием побеждая задник легких летних туфель.

Обувной ложкой он пользовался в исключительных случаях: ну, например, когда нужно было замахнуть на сестру или сшибить со шкафа какой-нибудь высоко находящийся предмет.

– Если встретишь того гада, у которого воеет под окнами машина, сбрось его в шахту лифта, – напутствовала брата сестра.

– Зачем? – удивился Эдя. – Есть способ лучше: берешь газетку. Аккуратно подстилаешь на капот и кладешь на газету кирпич. Только помни: газета обязательна. В противном случае могут остаться царапины, а это для первого предупреждения не комильфо. Кирпич без газеты – это уже третье предупреждение, если не срабатывают деликатно (то есть без проколов!) спущенные шины.

– Вот и положи свою газету сам! – предложила Зозо.

Хаврон оскорбился.

– Работа в кабаке – профессия ночная. Когда я утром прихожу, этого экземпляра с машиной уже нет. Когда ухожу вечером – его еще нет. Так что кирпич класть тебе. Только сперва узнай, женат ли он. Всегда, знаешь ли, приятнее стать спутницей жизни и отравить ему существование в более глобальном масштабе.

Заметив, что сестра задумалась, Хаврон ухмыльнулся. До чего же предсказуемы женщины! И даже то, что Зозо – его сестра и, следовательно, урожденная хавронша, увы, не делает ее исключением из общего правила.

Изгнав из головы все посторонние мысли, Хаврон учесал на одну из своих многочисленных и часто параллельных работ – в ресторан эфиопской кухни. В этом ресторане он старательно изображал эфиопа две смены в неделю.

Настоящие эфиопы на работе долго не задерживались. Они считали ниже своего достоинства запоминать названия того, что выдавалось якобы за их кухню. Чего стоила одна только «говядина тра-та-ла-ла по-каннибальски» – плод совместной, подогретой градусами спирта фантазии шеф-повара и опять же Эди Хаврона.

Эде же было не привыкать. Кроме главного эфиопа, были в его карьере и такие вершины, как швейцар-мандарин в китайском ресторане и официант-самурай в японском. Официантом-самураем работать было сложнее, чем китайцем. Обширная талия Хаврона неохотно подчинялась тугим поясам кимоно, а меч, который нужно было все время таскать за поясом, при попытке повернуться опрокидывал со столов тарелки и бутылки, пачкая посетителей брюки.

* * *

Когда Даф пыталась приучить Депресняка к ошейнику, кот катался по полу, орал дурным голосом и пытался сорвать его задними лапами. Ошейник не отпускал, но и Депресняк не сдавался. Он не ел неделями, хрипел и раза три едва не задавился, просунув лапы под ошейник дальше, чем это было безопасно. Это была смертельная битва двух существ, которые ненавидели друг друга.

И вот теперь, привыкая к дарху, Меф ощущал себя Депресняком. Как и кот, он не мог избавиться от ненавистного ошейника. Цепь с дархом позванивала у него на шее, как колоколь-

чик прокаженного. Дарх причинял постоянную ноющую боль. Когда сосулька касалась голой кожи, боль становилась острее и напоминала Мефу слабый электрический разряд.

Занудливая старушка-память листала страницы. Когда-то давно ему подарили зажигалку из магазина фокусов. Из любознательности Мефодий расковырял ее в первый же вечер. Внутри обнаружились кнопка и отходящий от нее провод. Приложив провод к коже и нажав на кнопку, можно было получить удар током. Таким же оголенным проводом Меф и представлял себе дарх.

Хуже всего было ночью. Мефу снились отвратительные сны. Ему чудилось, что дарх превращается в ртутную змею. Змея ползет по груди и заползает в нее сквозь кожу. За несколько дней Меф осунулся, похудел, стал вспыльчивым и как-то едва не прикончил Чимоданова, когда на тренировке тот в очередной раз попытался поиграть в берсерка.

Много раз Мефодий пытался сорвать цепь с дархом. Порой ему это удавалось, но все равно отойти от дарха далеко он не мог. Боль становилась непереносимой, и он почти терял сознание. Только прохладная рука Дафны приводила его в чувство.

Хуже было другое: теперь, когда на шее у Мефа покачивалась сосулька из Тартара, самой Даф мучительно было прикасаться к нему. Он видел, как она бледнеет, стискивает зубы и пытается скрыть это напряженной, жалкой и перекошенной улыбкой.

Спору нет, продуманный подарок сделал Мефу великодушный горбун!

– Пока я с тобой, пусть даже обессиленная, я не дам дарху поглотить твой эйдос. Будем сопротивляться, пока можем, – ободряла его Дафна.

Меф благодарен был ей за «мы». Особенно за то, что это «мы» не казалось страдальческим. В нем не присутствовало ни малейшей позы. Жертвуя собой, Дафна этого даже не замечала.

«Дарх дает силы только одному... Дарх несет боль всем, кто с ним соприкоснется. Но самую большую боль он причиняет тому, кто его носит... Дарх вселяет ужас во врагов... Дарх обжигает взгляд стражу света и завораживает смертного переливами граней... Дарх не должен соприкасаться с крыльями стражей света... Дарх дарит вечность, но эта вечность близка смерти... Дарх останавливает внутренний рост и уничтожает все хорошие задатки. Кто-то может сопротивляться веками, но финал предопределен... Дарх поработает своего хозяина, если он слабее его. Но и если хозяин сильнее, он все равно поработает его... Темный страж, лишившийся дарха, теряет вечности... Дарх не должен достаться свету... В дархе не должно быть меньше одного эйдоса. Опустевший дарх заберет собственный эйдос того, кто его носит», – повторял Меф сухими губами, с ненавистью разглядывая переливающуюся сосульку.

Арей понимал состояние Мефа. Пару раз Буслаев ловил на себе его задумчивый взгляд. Однако вслух сочувствие мечник не выражал – это было не в его привычках. «Жалость – наркотик посильнее героина. Если кто на нее подсядет – ничего уже его не вытащит», – говаривал он.

– Теперь дарх мучит тебя потому, что он пуст. Но когда он и получит первый эйдос, он продолжит терзать тебя. Удовольствие, которое ты испытываешь с каждым новым эйдосом, будет ярким, острым, но кратковременным. Единственное, что дарх действительно дарит, – это силу в битвах и хмурое удовлетворение от собственного всеисия... Ну а боль... к боли привыкаешь, это мелочи, – вот и все, что сказал он Мефу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.